

Жан-Кристиан Птифис

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ: подлинный национальный роман

Предисловие

Национальный роман! Вы сказали — национальный роман! Ещё немного — и пришлось бы извиняться! В эпоху Европы и «счастливой глобализации» не означает ли это возврат к устарелому и чрезмерному национализму, к робкому и «немодному» шовинизму учебников времён Третьей республики? Подобное начинание сегодня вызывает у некоторых журналистов и университетских преподавателей лишь презрение.

От критической рассудительности — вполне законной — мы за несколько десятилетий пришли к непрерывной деконструкции. Иные заходят ещё дальше — меньшинство, правда, — отрицая саму возможность писать об истории Франции, которая будто бы перестала быть предметом, заслуживающим научного изучения. Дескать, важна лишь «связанная» или «трансверсальная» история, анализирующая глобальные взаимодействия государственных обществ. Возвращение к рамке государства-нации якобы вынуждает пренебречь множественными связями, сплётёнными движением Истории. Как будто разговор о Франции мешает говорить о других крупных действующих лицах мира, прежде всего о её соседях. Несколько заблудших чад Клио, вероятно отравленных политическими присвоениями и моральной инструментализацией «долга памяти», хотели бы, в своей безупречной совести, свести нашу судьбу к манихейскому столкновению сил Добра и Зла и превратить преподавание истории в постоянный курс покаяния, предлагая школьникам удержаться из неё лишь самые мрачные страницы: рабство, работорговлю, разорения колонизации, режим Виши... — неизменно в привычном регистре возмущения, сострадания и общинного долоризма. Столь многочисленные партийные позы ведут к путанице. «Становясь на сторону жертв или принимая точку зрения их потомков, — замечает Лоран Авезу, — историки превращаются в вершителей правосудия, рискуя забыть принципы своей дисциплины». К счастью, это упрёк не относится ни к очень серьёзному университетскому подходу «Истории Франции» в тринадцати томах под редакцией Жоэля Корнетта и его команды, ни к точному и добротному сделанному синтезу Жана Севильи.

И политики тоже вмешались. Для некоторых само упоминание христианских корней нашей страны будто бы означает распродажу её «светского наследия». Но разве не забывают они, что Франция не рождается в 1905 году с «батюшкой» Комбом, и даже не в 1789-м? Поспешим, наоборот, добавить, что наша история не заканчивается и смертью Людовика XVI — как сокрушались до войны мауррасисты и ностальгирующие по белому знамени. Она составляет единое целое. Её нужно присвоить себе — и её мрачные страницы, и её уклонения, и её блуждания, но также и её славные страницы, которые возвышают дух и согревают сердце.

В мае 2015 года, во время полемик вокруг реформы collège, Мишель Люссо, тогдашний председатель Высшего совета программ, находил «тревожной» саму идею национального романа, «извращением, — добавлял он, — того, во что мы верим». Эти программы, — парировал ему Жак Жюльяр, — «дышат неловкостью быть французом, а то и стыдом быть французом». С тех пор, после поднявшегося шума, их немного поправили. Но по правде говоря, «педагогисты» с улицы Гренель готовы к некоему посвящению в «гражданственность» — в какую именно, не очень-то ясно, — а вот национальный роман? Ни в коем случае! Поэтому Национальное образование довольствуется, не полностью

пренебрегая хронологией, как часто говорят, последовательностью тематических блоков, включающих «общинные памяти» и «памяти травмированные», дабы сохранить «совместную жизнь».

История — это не инструментализация разрозненных маленьких рассказов, поставленных на службу коммунитаристскому и мультикультурному видению, как её представили Патрик Бушерон и его команда (“Всемирная история Франции”, 2017) — видению, раскритикованному и L’Obs (Пьер Нора), и Le Figaro (Ран Халеви) как обезображивание истины идеологией.

Разрушительные последствия такого сумеречного проекта особенно заметны в обществе, отмеченном диктатурой эмоции, тиранией социальных сетей и губительной культурой немедленности. Нет сомнений: мы переживаем кризис Истории, который — лишь часть огромного современного кризиса французской идентичности. Инфляция памятных дат не должна обманывать: это, как справедливо говорит Пьер Нора, «последнее выражение превращения Истории в память». А на кону — сама концепция нации. Страна, кажется, стала амнезией. Франция теряет память, сетует Жан-Пьер Риу, и тем самым теряет душу.

Вот почему историки вроде покойного Макса Галло или Моны Озуф, философы вроде Режи Дебре призывали вернуться к национальному роману. Простого «национального повествования» — бесстрастного и отстранённого, расчленяющего события, не вдыхая в них ни малейшей жизни, — было бы недостаточно. Это значило бы вычеркнуть прожитое, ампутировав у человека, который не сводится к одной рациональности, часть самого себя. Историческую глубину нельзя достичь без некоторой доли эпопеи, воображения и эмоции, захватывающей целого человека. История не сводится к холодному каталогу дат и статистик. Нужны плоть, чувство, эстетика.

Часто цитируют этот фрагмент из «Странного поражения» историка Марка Блока, участника Сопrotивления и большого патриота, одного из основателей Annales E.S.C.: «Есть две категории французов, которые никогда не поймут историю Франции: те, кто отказывается трепетать при воспоминании о реймской коронации, и те, кто читает без волнения рассказ о Празднике Федерации. Неважно, каково ныне направление их предпочтений. Их непроницаемость к самому прекрасному всплеску коллективного энтузиазма достаточно, чтобы их осудить».

Режис Дебре усиливал это в 2015 году в “Madame H.”: «Что такое история для вас? Ответ: то, от чего у меня наворачиваются слёзы, и точка. Крыло неотвратимого ещё не задело меня, а роговица уже туманится: по этому унижению я и распознаю, что где-то на заднем плане стоит Софокл или Шекспир. [...] При всём при том, я бы охотно обошёл без необходимости засовывать в карман пачку “Клинекса” каждый раз 18 июня, когда иду слушать “Песнь партизан” на Мон-Валерьен, прося соседей извинить мой “сенной насморк”».

И правда важно — не трубя при этом в фанфары старомодного крикливого патриотизма — передавать из поколения в поколение истинную, глубокую и искреннюю, но разумно осмысленную любовь к своей стране: гордость без агрессии. Так, впрочем, поступает

большинство других наций. Изучение нашей истории к этому особенно ведёт. Это даже обязательный проход. «Чтобы любить Францию, — говорила философ Симона Вейль, — нужно чувствовать, что у неё есть прошлое».

Значит, национальный роман? Да — при условии, что он поддержан постоянным усилием понятности и обновлённым методологическим подходом к фактам и текстам; что он опирается на недавние достижения исследований; что он уточняет наши знания, задаёт вопросы множеству взглядов, возвращает умственный инструментарий эпохи, переосмысливает старую историографию, очищая её от лубочных картинок. Иначе говоря, нужно рассказывать и объяснять ясно, отдавая должное вызывающей силе повествования, подкреплённого научным анализом. Именно это предлагает данная книга: она стремится не столько к учёной письменности — невозможно на столь немногих страницах исчерпать разнообразие «территории историка» (Эмманюэль Ле Руа Ладюри), — сколько к тому, чтобы на протяжении веков выявить силовые линии, конституирующие нацию. Лишь долгий, очень долгий срок позволяет осветить бурно плодящуюся краткость мгновения.

Кто не знает начала «Военных мемуаров» Шарля де Голля? «Всю жизнь я создавал себе определённое представление о Франции. Его внушает мне чувство не меньше, чем разум. То, что во мне от чувства, естественно воображает Францию — как принцессу сказок или мадонну на фресках стен — предназначенной к судьбе выдающейся и исключительной...» И далее: «Маленького парижского лилльца ничто не поражало меня сильнее, чем символы наших слав: ночь, сходящая на Нотр-Дам; вечерняя величавость Версаля; Триумфальная арка в солнце; завоёванные знамёна, дрожащие под сводами Инвалидов. Ничто не действовало на меня сильнее, чем проявления наших национальных успехов: восторг народа при проезде русского царя, смотр в Лоншан, чудеса Выставки, первые полёты наших авиаторов. Ничто не огорчало меня глубже, чем наши слабости и ошибки, открывавшиеся моему детству по лицам и разговорам: сдача Фашоды, дело Дрейфуса, социальные конфликты, религиозные раздоры...»

Эти переливчатые образы, полные патриотических, даже мистических биений (в другом месте он говорит о «Нашей Даме — Франции»), в своём лиризме сходятся с образами Жюль Мишле — писателя хорошего, но историка посредственного — в его стремлении олицетворить Францию, которую тот, в свою очередь, отождествлял с народом, идущим к освобождению. То же было и у Фернана Броделя, видного представителя школы «Анналов», историка «долгой длительности», для которого идентичность страны была «как душа и как личность»: «Скажу раз и навсегда: я люблю Францию с той же страстью — требовательной и сложной, — что и Жюль Мишле. Не различая её добродетелей и её пороков, того, что я предпочитаю, и того, что принимаю менее охотно». Эту трансцендентную меру Филипп Сеген упоминал в 1992 году в своей «Речи во имя Франции»: «Нация — это нечто, имеющее аффективное измерение и духовное измерение; это результат свершения, продукт таинственной метаморфозы, посредством которой народ становится — более чем солидарным сообществом — почти телом и душой». Тематика, разумеется, перекликающаяся с знаменитым определением Эрнеста Ренана: «Нация — это душа, духовный принцип. Две вещи, которые, по правде говоря, составляют одно, образуют эту душу, этот духовный принцип. Одна — в прошлом, другая — в настоящем. Одна —

общее владение богатым наследием воспоминаний; другая — нынешнее согласие, желание жить вместе, продолжать ценить наследие, полученное неделимым».

Вот почему «жить вместе» — простое сосуществование чужих друг другу общин на одной и той же земле, столь настойчиво проповедуемое сегодня, — совершенно недостаточно; как недостаточна и простая интеграция. Иммигранту, пришедшему жить на нашу землю, нужна ассимиляция и — лучше ещё — укоренение, ничуть не несовместимое с сохранением его иных корней.

Непрерывного прогресса не было. Эта старая земля знала немало превратностей, разрывов, шквалов, драм, революций, откатов, продвижений, затмений, жестокого огня и великих ветров. С течением времени, через удачи и несчастья, она выковала себе существо, личность, душу. Мишле, де Голль, Бродель не так уж неправы. Франция — живое существо. У неё была юность, была зрелость. Однажды она может умереть. Под разнообразием её обликов и политических режимов, которые ею правили, — от христианской Франции до Франции Просвещения, от Франции Жанны д'Арк до Франции Вольтера или Руссо, от Франции вчерашней до Франции сегодняшней — есть постоянство, ДНК, составляющая её природу. Она построилась на нескольких крупных основополагающих столпах, которые можно уподобить «фундаментальным законам» её истории. Пять из них кажутся нам существенными.

1) Суверенное и централизованное государство-нация

Становление государства было первостепенным, как первостепенным был и глубоко политический феномен нации. Франция — создание истории и власти, перекрёсток интеллекта и воли, невероятная встреча единой души и зачаровывающего разнообразия её ландшафтов — впервые обрела плоть вокруг династии Капетингов, реймского помазания и парижской централизации. Её формирование продолжилось в Революцию рождением Республики «единой и неделимой», а затем, в современную эпоху, — становлением представительной демократии и установлением нынешней «республиканской монархии». Сегодня мы слишком хорошо это знаем: без государства-нации не бывает подлинной демократии. Среди самых структурирующих её элементов следует, разумеется, назвать язык, утвердившийся не без труда.

2) Государство справедливости на службе общего блага

Понятие справедливости кажется нам само собой разумеющимся. Часто забывают, что многие авторитарные режимы преследуют свои народы, порой жестоко угнетают меньшинства. Франция, за исключением редких моментов (религиозные войны, отмена Нантского эдикта, облавы на евреев при Виши), строилась на понятии справедливости, которое медленно преобразовывалось в социальную справедливость. Некоторые нации — Англия и её основополагающие тексты (Magna Carta 1215 года, Habeas Corpus 1679 года, Bill of Rights 1689 года); Соединённые Штаты Америки и Декларация независимости 1776 года, United States Bill of Rights 1791 года — создавались вокруг понятий свободы и прав

индивидов, не заботясь — если не позднее — о справедливости, защите, социальной помощи или перераспределении богатств. В этой логике каждому надлежало самому обеспечить себе социальное покрытие, пенсию, а то и безопасность — как, например, право, признанное за гражданами Второй поправкой к Конституции США, владеть и носить оружие (в принципе в рамках «хорошо организованной милиции», но это условие быстро забыли). С Францией было иначе: многовековая нация, отмеченная социальной стороной христианства, не ждала ни закона Ландри 1931 года о семейных пособиях, ни создания системы социального страхования в 1945 году, чтобы заняться семьёй, здоровьем, благополучием своих народов и их сплочённостью. Даже если некоторые европейские государства порой опережали (вспомним Германию Бисмарка в конце XIX века), идея арбитражной власти, беспристрастного государства, *res publica*, озабоченной национальной солидарностью, сыграла в нашей истории решающую роль. Долгое время защиту обеспечивали благотворительные и госпитальные дела Церкви. Однако государство — прежде чем стать нынешним государством всеобщего благосостояния — не оставалось в стороне от общего блага, многократно предпринимая инициативы, в пределах, правда, своих средств и возможностей.

3) Светское государство с христианскими корнями

Различение власти временной и власти духовной принимало в течение веков множество форм — вплоть до закона 9 декабря 1905 года, порвавшего с принципом государственной религии и установившего нейтральность властей по отношению к Церквям. Известно, что принятие этого закона происходило не в спокойствии, а в атмосфере ожесточённых схваток между клерикалами и антиклерикалами, между верующими и воинствующими атеистами. Тем не менее явление секуляризации значительно древнее и совершалось медленно. В отличие от некоторых религий — так, основополагающий текст ислама, Коран, например, неразрывно смешивает религиозную жизнь и жизнь социальную, — христианство допускает спасительное различие временного и духовного. Хотя французские короли, по причине своего помазания, считали себя представителями Бога на земле, они очень рано стремились освободиться от теократических притязаний Римской церкви, утверждая свою независимость и суверенитет. До 1905 года пробовали и другие модели, строго очерчивавшие отношения между Святым Престолом и светскими властями, — такие как конкордаты, относящиеся к форме светскости не всегда уравновешенной: Болонский 1516 года, Парижский 1801 года (закон 18 жерминаля X года / 8 апреля 1802 года), который действует с 1925 года в регионе Эльзас-Мозель, где признаны и субсидируются четыре культа (католический, лютеранский, реформатский и иудейский).

Важно понять, что история светскости во Франции — именно здоровой светскости, а не антирелигиозного лаицизма, с которым её иногда путают, — была одновременно историей борьбы государства за освобождение от опеки Церкви и историей борьбы Церкви за избавление от захвата со стороны государства, стремившегося контролировать совести.

Как бы глубоко ни была Франция привязана к светскости, как бы сильно она в недавнее время ни дехристианизировалась, современная Франция остаётся отмеченной своими христианскими истоками: сакральным звучанием её пейзажей (кальварии, колокольни её

церквей и соборов, великие места западной духовности — Мон-Сен-Мишель, Нотр-Дам в Париже, Реймсе или Шартре, Везле, Великая Шартрёза или Клюни...) и привязанностью граждан к гуманистическим ценностям, прямо происходящим из Евангелия. Она больше не определяет себя религией — но она и сегодня есть светское государство с христианскими корнями и культурой.

4) Государство, отмеченное универсальными ценностями

Эта «французская исключительность» раздражает — это можно понять, — но, хотим мы того или нет, приходится признать: Франция всегда считала, что у неё есть ценности, которые она может предложить, и по этой причине — уникальная роль в Истории: отстаивать определённое представление о человеческом достоинстве, справедливости и всеобщем праве, а сегодня даже о планетарной экологии, — словом, определённый способ мыслить человека и мир. Франция, говорил Мальро, «никогда не бывает столь велика, как тогда, когда она велика для всех людей». Этот мессианизм освобождения и свободы уходит корнями далеко глубже Декларации прав человека, философии Просвещения или республиканского универсализма. Под влиянием средневекового переоткрытия философии Аристотеля, но также и крещения Хлодвига, короля франков, она сначала считала себя «старшей дочерью Церкви», носительницей послания «католического», то есть универсального. За пределами расхождений идей Франция Паскаля, Боссюэ, Пеги во многом сходится с Францией Монтескьё, Вольтера или Виктора Гюго. Эти разделённые памяти остаются общим наследием её граждан — и как печать её собственного гения. Для многих Франция, сведённая к масштабу одного из ста девяноста двух других государств — членов Организации Объединённых Наций (ООН), — уже не была бы Францией.

5) Многоэтническое, но ассимилирующее государство

Не существует французской этнии или французской расы. На протяжении веков Франция, будучи смесью народов, не переставала включать и ассимилировать население вновь приобретённых провинций, а затем, начиная с середины XIX века, беженцев и иммигрантов — в том числе прибывавших из африканских и азиатских колоний. Эта аккультурация не всегда проходила мягко. Монархия была жестокой с местными автономизмами; от Революции до войны 1914 года Республика с суровой энергией перемалывала региональные языки и говоры. Однако и та и другая оставляли существовать законную долю особенностей — при единственном условии, что они не мешают национальному единству. Отсюда богатство, разнообразие региональных своеобразий и прочность нации.

Не будучи гибкими конструкциями, эти столпы, однако, допускают некоторые напряжения: унитарное государство признаёт умеренные формы децентрализации, лишь бы они не доходили до федерализма; ассимиляция иностранцев не ставит себе целью искоренить их культурные или религиозные корни — при условии не впадать в коммунитаризм... Возможно, именно в этих управляемых напряжениях и заключается гений нашей страны — подобно игре сил столбов и аркбутанов собора.

Итак, именно эти пять столпов — или, если угодно, эти пять маркеров французской идентичности — следует отыскивать в складках времени; однако сегодня они кажутся сильно разъединенными экзистенциальным кризисом, который переживает наше общество с 1970–1980-х годов. Они послужат нам путеводными нитями ¹.

Глава первая

Западная Франкия

(841–877)

Битва при Фонтенуа-ан-Пюизе

Занавес поднимается над чудовищной трагедией — пожалуй, самой страшной из всех, ведь это братоубийственная война. Она сталкивает Лотаря, старшего сына второго каролингского императора Людовика I Благочестивого, внука Карла Великого, и его племянника Пипина II, короля Аквитании [*Аквитания — большой юго-западный регион Франкской державы*], — с Людовиком Баварским (позднее прозванным Немецким) [*Людовик II Немецкий, правитель восточных франков*] и его сводным братом, юным Карлом Лысым (так прозванным потому, что он носил короткие волосы). Он являлся сыном второй супруги императора — легкомысленной Юдифи Баварской, и только что отметил свое девятнадцатилетие.

Неуверенный, серый рассвет поднимался в субботний день 25 июня 841 года, над приятным боко́жем Оксерруа [*боко́ж — «лоскутный» сельский пейзаж с живыми изгородями; Оксерруа — область вокруг города Осер в Бургундии*]: свежие речки, густые леса — остаток великих расчисток [*массового вырубания лесов и освоения земель в раннем Средневековье*] — и обширные, спокойные пастбища. Лотарь и Пипин устроили штаб-квартиру в местечке Тавор на севере, близ деревни Фонтен (Fontaines, Fontanetum) [*латинская форма названия; средневековые тексты часто фиксируют топонимы по-латыни*]; Людовик и Карл расположились немного южнее — на холме Роша, возле Тюри, с обозами оружия и провианта. Трава густа и высока на берегах реки Анди. Ржание коня, звяканье стремени, шорох железных чешуек панциря, вспышка в зарождающемся свете копья, секиры или обоюдоострого меча выдают присутствие двух войск в кустарниках, у опушки леса Бриот и хутора Сольне, неподалёку от Фонтенай (Fontenaille, нынешний Фонтенуа-ан-Пюизе).

Ссора длилась уже больше десяти лет. Ещё при жизни Людовика Благочестивого (прозванного также Добродушным — за слабость характера) она началась из-за земель, которые предстояло получить в наследство [*в Каролингской династии вопрос «как делить державу между сыновьями» был постоянным источником войн*]. Дети низложили и заточили отца [*временно лишили власти и фактически держали под стражей*], затем принялись терзать друг друга. Вельможи вернули на престол «августейшего императора», сына Карла Великого. Но когда он умер 20 июня 840 года, вопрос о наследовании всё ещё не был решён — несмотря на добрый десяток разработанных проектов. Лотарь, мастер двуличия и обмана, потребовал империю целиком и только для себя. Готовый добыть её силой, он отверг все предложения мира. После последней, тщетной попытки сближения Людовик и Карл — его братья — объявили, что призывают к «суду Божию» [*идея, что исход битвы покажет волю Бога: кто прав — тот победит*]. Значит, заговорят оружия. С обеих сторон по всем провинциям подняли многочисленные отряды из разных областей; они прошли сотни километров, чтобы сойтись у Фонтенуа-ан-Пюизе. «Никогда со времён

битвы на Каталаунских полях с гуннами [451 год] и битвы при Пуатье с сарацинами [обычно имеют в виду 732 год] — пишет Гизо [Франсуа Гизо, французский историк XIX века], — столь огромные массы людей не сходились в схватке».

Бой начинается в реве боевых кличей. Лотарь и франки Австразии [Австразия — «восточная» часть Франкского королевства, ядро вокруг Меца/Рейна], усиленные неустрийскими¹ [Нейстрия — «западная» часть Франкского королевства] и лангобардскими отрядами [лангобарды — народ/королевство в Италии], яростно ударяют по плотным рядам германских всадников Людовика и его вассалов. После долгой, колеблющейся борьбы им удаётся прорвать строй противника. Победа, кажется, улыбается им — и вдруг Карл Лысый, во главе бургундцев, при поддержке южан графа Герена, герцога Прованса, смело опрокидывает левое крыло Лотаря у места, называемого Фэ.

Через семь часов гигантская рукопашная схватка прекращается около полудня. Если верить рассказу равеннского архиепископа Георгия, сорок тысяч человек пало со стороны Лотаря, чуть меньше — в войске Людовика и Карла. Цифры, вероятно, преувеличены [средневековые и позднейшие источники часто завышают потери], но свидетель — придворный поэт Ангильберт говорит о «резне» и «реке крови». «Поля были белы, — пишет он, — покрыты одеждой и длинными рядами мёртвых, как они белы осенью, когда птицы отдыхают на них. Эта битва недостойна того, чтобы её воспевали мелодичным пением. Пусть Север и Юг, Восток и Запад оплачут всех, кто пал при Фонтенай...» Неумолимый Лотарь был одним из последних, кто покинул поле, заваленное трупами и деревянными щитами, обитыми кожей или железом [цит часто усиливали кожей/металлом по краю и в центре]. Потрясённые зрелищем, каролингские епископы назначили трёхдневный пост «за упокой душ усопших» [религиозный обряд: пост как покаянная и молитвенная практика]. Затем мёртвых вперемешку зарыли в огромных братских могилах.

Событие станет вехой: из братской крови этой бойни при Фонтенуа родится Франция... Словно напоминая, насколько трагична История, на бугре близ деревни стоит обелиск, воздвигнутый в 1860 году Наполеоном III [император Франции 1852–1870] в память о случившемся. На нём можно прочесть:

Здесь была дана 25 июня 841 года
битва при Фонтенуа
между детьми Людовика Добродушного.
Победа Карла Лысого
отделила Францию от западной империи
и утвердила независимость
французского народа.

Ветер гуляет над равниной. [финальная «кинематографическая» ремарка автора:
тишина поля после исторической бури]

От Страсбургской клятвы к Верденскому договору

Лотарь отверг «суд Божий» [то есть не признал исход битвы как знак Божьей воли и не согласился прекратить войну] и захотел продолжать войну, собирая войско из Саксонии и близких германоязычных областей Восточной Франкии.

14 февраля 842 года, в снежной буре, когда вихрящиеся снежные хлопья хлестали по стенам Страсбурга, Людовик Немецкий и Карл Лысый обновили свой союз пактом взаимной помощи — Страсбургской клятвой [*известный исторический акт: два брата публично подтверждают союз против Лотаря*]. Первый, чтобы его поняли франки Австразии [*восточные франки; Австразия — «восточная» часть прежней Франкской державы*], поклялся на прото-романском языке — то есть на древнефранцузском, едва вышедшем из латинской «куколки» [*метафора: «народная латынь» уже превратилась в ранний романский язык, но ещё очень близка к латыни*]; второй, чтобы его поняли германцы, сделал то же на немецком (тевдийском) языке [*старинное обозначение «народного немецкого»; ранняя форма староверхненемецкого*].

«Ради Божьей любви и ради христианского народа и нашего общего спасения, от сего дня и впредь, насколько Бог даст мне знания и силы, так буду защищать этого моего брата Карла, и в помощи и во всяком деле, как то должно по правде защищать брата, с тем, чтобы и он мне то же самое сделал, и с Лотарем не вступлю никогда ни в какие сношения, которые заведомо мне будут вредны этому моему брату Карлу».² [*Смысл клятвы прост: «я держусь союза с братом, помогу ему, и не заключу с Лотарем сделки против него»; религиозная формула в начале — обычный для эпохи «юридический тон», где договор скрепляют ссылкой на Бога.*]

Перед такой решимостью Лотарь согласился на переговоры [*понял, что против двух братьев ему будет трудно и опасно*]. В июне враждующие братья встретились близ Макона [*город/район на Соне, важная точка для переговоров*] и согласились разделить Империю на три части, поручив смешанной комиссии из ста двадцати человек определить долю каждого [*не «случайный совет», а официальная «комиссия арбитров» — представителей сторон*]. Этому органу понадобилось больше года, чтобы найти приемлемый для всех компромиссное решение. Насколько возможно, «мастера разделки» [*ироническое сравнение с «разделкой туши»: делят огромную державу как добычу*] учитывали площадь графств и герцогств [*административные единицы*], узы верности [*кто кому подчинён, чьи вассалы, где находятся*] и сельскохозяйственное производство [*ресурсы: земля, урожаи, доходность*].

Карлу Лысому достались западные земли — та *Francia occidentalis* [*«Западная Франкия» — латинское название будущего «ядра» Франции*], что тянулась от устьев Шельды [*река на севере, течет по территории нынешних Нидерландов и Бельгии*] до устьев Люобрегата в нынешних пределах Каталонии [*река Люобрегат, вторая по длине в Каталонии (Испания), протекает у Барселоны*], на востоке повторяла очертания Мааса и Соны [*реки, задающие «линию» внутри континента*] и останавливалась у лесистых высот Севенн [*горы на юге Франции*]. Территория составляла почти 400 000 км² (то есть 72% нынешнего «Шестиугольника» — Франции [*«Шестиугольник» = образное название Франции по её*

очертаниям], включая периферийные области вроде Фландрии и Каталонии, которые теперь уже в него не входят.

Людовик получил все территории к востоку от Рейна и к северу от Альп — *Francia orientalis* [*«Восточная Франкия», из неё позже вырастет Германия*], распространив власть на германские народы до Эльбы и Дуная [*то есть далеко на восток и юго-восток по германскому миру*]. Лотарю же досталось центральное пространство — *Francia media* [*«Срединная Франкия», «пояс» между западом и востоком*], простиравшаяся от Фризии [*северные прибрежные земли у Северного моря*] до Прованса [*юг Франции*], к которой добавлялась Северная Италия до Адриатики.

Вытянутый «в длину», этот удел был вовсе не ничтожен: он включал Ахен — бывший императорский дворец [*Ахен — центр власти Карла Великого*], — а также архиепископства Кёльна, Майнца, Трира, Безансона, Лиона, Вьенна, Арля, Экс-ан-Прованса, Милана и Флоренции [*перечень церковных центров = перечень «опор» власти и богатства*]. После смерти Лотаря, впрочем, его три сына разделят эту разнородную целостность на Лотарингию (расширенную Лотарингию), Бургундию-Прованс и Италию [*то есть «срединная» зона окажется внутренне нестабильной и будет дробиться*]. Лотарю, кроме того, отходил императорский титул — престижная погремушка [*яркая метафора автора: титул звучит громко, но реальной власти мало*], никак не означавшая подчинения двух других королей [*они — самостоятельные правители своих частей*].

Более собранный и гармоничный, чем удел Лотаря, — с Парижем, столицей Хлодвиг и Дагоберта [*Хлодвиг — первый великий король франков; Дагоберт — сильный меровингский король; «столица» здесь = символ древней королевской власти*], и старыми галло-римскими городами Нарбонной, Бордо, Буржем, Туром, Руаном или Реймсом [*города, унаследованные от Рима; центры епископств, торговли, управления*], — домен Карла Лысого был призван к совсем иной судьбе [*намёк: из этой части вырастет Франция*]. *Francia occidentalis* была ещё лишь наброском королевства Франции. И всё же — при всей разнородности составляющих — политическая идентичность уже родилась: появились границы, пусть искусственные, но реальные [*границы «нарезали», но они начали работать как политическая реальность*]. Её преимуществом было то, что она сохранится целиком, не подпадая под принцип раздела [*то есть в дальнейшем не будет так же легко распадаться на куски при каждом наследовании*].

Договор заключили 10 августа 843 года в Дюньи, близ Вердена (в Истории он останется под именем Верденского договора) [*знаменитое «разделение Каролингской империи»*]. Большой книжник, тоскующий по каролингскому величию, лионский диакон Флор сетовал на исход [*Флор Лионский — учёный клирик IX века; «книжник» = человек культуры, для которого единство империи — идеал*]: «Оплакивайте род франков: Империя, воздвигнутая благодатью Христа, ныне лежит в прахе. Истинного императора больше нет; вместо короля — королёк; вместо королевства — куски королевства».

Это была погребальная песнь латино-варварской империи Каролингов [*«латино-варварская» = сплав римско-латинского наследия и германского (франкского) мира*], стремившейся создать суверенитет из христиано-римской империи Константина

[Константин Великий — первый христианский император Рима; автор намекает на модель «христианской империи», которая должна объединять мир]. Вместе с нею, увы, исчезало чувство публичной власти [то, что мы бы назвали «ощущением государства как общего дела»: единой верховной власти, стоящей над частными интересами и местными силами].

Империя рухнула

Сегодня историки подчёркивают хрупкость и недолговечность имперского «возрождения», предпринятого Карлом Великим [*«каролингское возрождение»* = попытка оживить порядок, культуру и управление в духе поздней Римской империи, но в христианской форме]. Конечно, идея *res publica*, обеспечивающей общее благо [*res publica* = «общее дело», «публичная власть», государство как служение общему благу] — со своими правовыми нормами, своей фискальной системой [налоги, сбор доходов] и королевским правом чеканить монету [монетная регалия = право верховной власти выпускать деньги], — проступала сквозь многочисленные капитулярии Карла I, прозванного Великим [*капитулярии* = королевские распоряжения/указные сборники, разбитые на «главы» (*capitula*)]; но она казалась призрачной: государства — нет или почти нет, устойчивых институтов — нет [автор подчёркивает: формальные идеи есть, а прочной «машины управления» ещё нет]; в юридическом плане — неуклюжая смесь римского права и франкских обычаев [*римское наследие* + *племенные правовые традиции*]; никакого политического каркаса, кроме ближайшего окружения императора [то есть «аппарат» — это фактически двор и свита]; и никакой постоянной столицы [двор кочует, власть «переезжает»].

Великолепный дворец на австразийской земле — Ахен [Ахен = *Aachen*; «австразийская земля» подчёркивает, что центр тяжести империи лежит в восточно-франкском ядре], с мраморами, бронзой и мозаиками, но стоящий особняком [шикарный «остров» культуры и власти среди ещё очень неоднородного мира]; связи «человек с человеком» — графы, епископы, странствующие королевские посланцы (*missi dominici*) [*missi dominici* = «посланцы господина (короля)»: эмиссары, которых отправляли по областям проверять чиновников, суды, сборы, порядок], избранные из знатнейших родов — светских или церковных [то есть опора власти — элита, а не «служилый аппарат»]; и всё это на фоне военных походов — в Италию, Испанию, Баварию, Саксонию, на Эльбу или Дунай [перечень показывает огромный радиус и военный характер управления].

Всё держалось на гигантском войске, на кровных узах богатой аристократии, на переплетении верностей [личные клятвы, родственные связи, клиентелы] — и, в конечном счёте, на харизме одного человека, императора Карла: гиганта с густыми усами, неутомимого и грозного воина, чья мощная и плодovitая гениальность, однако, не предотвратила крушения здания через несколько десятилетий после его смерти. «Мгновенная маска мира, уже феодального, — сурово писал Камиль Жюльен [французский историк; авторитетная оценка], — Империя была лишь призраком и марионетками» [метафора: внешняя видимость империи, но внутри — уже силы феодальной раздробленности].

Церковь — богатая, могущественная, сумевшая глубоко евангелизировать деревню [*«евангелизировать» = обратить в христианство и встроить в церковную жизнь*], — придала этой совокупности разнородных областей, мозаике народов, обычаев и языков, видимость единства: царство Божие на земле [*идея: единство обеспечивалось прежде всего верой и церковной сетью*]. По правде же, эта всемирная христианская «республика» была мечтой книжников [*учёных клириков, мыслящих в категориях «всемирного христианского порядка»*]. Даже в аббатствах, где Карл Великий и его сын Людовик пытались повсеместно утвердить древнее правило святого Бенедикта, реформированное Бенедиктом Анианским — «вторым Бенедиктом» [*Бенедикт Анианский = реформатор монашества при Каролингах; «второй» — почётное прозвище*], — бенедиктинская адаптация, построенная вокруг молитвы, ручного труда и *lectio divina* [*молитвенное, созерцательное чтение Писания*], с трудом приживалась [*то есть даже «внутри Церкви» единый стандарт давался тяжело*]. Идея империи всегда подразумевает утопию, которая рано или поздно разбивается о принцип реальности, направляющий судьбу народов [*мечта о всемирном единстве сталкивается с конкретными интересами и условиями*].

За тем, что называли Каролингским возрождением — возвращением к античному культурному наследию и к письменной цивилизации (о чём свидетельствует появление в скрипториях нового письма, каролины) [*скрипторий = монастырская/соборная «писчая мастерская»; каролина (каролингский минускул) = новый понятный стандарт латинского письма*] и строительством крупных монастырей вроде Сен-Мартен-де-Тур, Сен-Жермен-де-Прэ или Корби [*культурные центры, где переписывали книги и учили*], — территориальное дробление уже началось [*парадокс: культура и «порядок» растут, а политическое единство трещит*].

В 806 году, подобно своим меровингским предшественникам, Карл Великий проявил себя владельцем, мыслящим по-родовому и по-наследственному — этой врождённой болезни франкского мира: вместо того чтобы сохранить единство своих необъятных владений, он разделил их между тремя сыновьями [*традиция делить имущество между наследниками, а не передавать «всё одному»*]. Его предприятие, сугубо личное [*империя держится на личности*], исключало саму идею преемственности, а значит — и государства [*нет института, который переживает правителя*]. Смерть двух его сыновей временно спасла Империю от бедствия, позволив слабому Людовику Благочестивому унаследовать её целиком [*случайность удержала единство на время*]. Кризис разразился в следующем поколении [*когда наследников снова стало много — начались войны и разделы*].

Параллельно каролингское общество необратимо распадалось под действием центробежных сил. Около пятисот графов — все крупные вассалы — получили, по «праву бана», военные командования и делегирование власти, чтобы управлять областями [*«право бана» = право отдавать приказ/созывать войско/наказывать — то есть власть принуждения*]. Им также предоставили пользование обширными доменами [земельные владения], которые они скоро стали считать своей собственностью и передавать по прямой мужской линии [переход от «временно дано за службу» к «наследственное моё»]. Они вершили суд, чеканили монету в своих биллонных мастерских [биллон = низкопробный сплав серебра с примесями; «своя монета» = признак самостоятельности], прибирали к рукам должности публичной власти (honores) в своих зонах влияния [*honores =*

«почести/должности»: графства, аббатства, епископства, посты управления] и раздавали их своим людям, собирали налоги, угнетали крестьян, поднимали войска... Так возникали автономные княжества — Фландрия, Нормандия, Аквитания, Гасконь, Каталонская марка, герцогство Бургундское; вскоре к ним прибавились Анжу, Блуас, Овернь и Лангедок [*перечень будущих «почти государств»*]. Королевствам, вышедшим из раздела 843 года, оставалась лишь иллюзорная тень власти [формально короли есть, реально — власть у местных]. Децентрализация стала крайней; королевское превосходство выживало только символически [*король — «знак», но не «механизм власти»*].

Процесс продолжился и далее — уже внутри этих образований, сочтённых слишком протяжёнными и слишком далёкими. Появились кастеллании [округа/владения вокруг замка; власть «замкового» хозяина], которыми владели неудобные сеньоры меньшего ранга [трудноуправляемые мелкие феодалы]: они укоренялись на местах [становились «хозяевами территории»], тогда как могущественные епископы, назначаемые властью, становились администраторами городов [*епископ = не только церковный, но и политический лидер*]. Пространство покрылось большими башнями, укреплёнными домами, замками и прочими кастральными пунктами [*от castrum — «укрепление»: сеть опорных точек*], — сперва деревянными, затем каменными, — взгромождёнными на моты [*земляные насыпные холмы (motte), на которых ставили укрепление*], которые трудно было взять.

Причина не обязательно заключалась в грубых или незаконных узурпациях [*не всё сводилось к «самозахвату»*]: речь шла о вознаграждении преданности знати; а поскольку денежных налоговых поступлений не хватало, платили земельными наделами — пожизненно — виконтствами и аббатствами [*«зарплата землёй и должностью» вместо денег*]. Так начинались вассальные связи [*земля ↔ служба ↔ верность*]. Поражение каролингской Империи объяснялось слабостью центральных институтов перед лицом её необъятности и appetitов франкской аристократии, которой приходилось без конца выдавать залоги-уступки [*центр всё время «покупает» лояльность уступками — и этим сам себя ослабляет*].

В августе 843 года, спустя несколько месяцев после восшествия на престол Francia occidentalis [Западной Франкии], в Кулене близ Ле-Мана Карл Лысый вынужден был принять от высшей знати капитулярий, по которому honores предоставлялись пожизненно и могли быть отняты лишь за измену [*то есть должность становится почти личной собственностью*]. Церковные земли, рассматриваемые как дары Бога, объявлялись неотчуждаемыми [*их нельзя «отобрать/продать/раздать» как обычное имущество*]. В более общем виде монарх обещал сохранять всем их ранги и honores: «Я соглашаюсь, да поможет мне Бог, соблюдать особый закон каждого — такой, каким знали его предки во времена моих предшественников» [*обещание не ломать местные правовые традиции*]. Связанный по рукам и ногам вельможами, внук Карла Великого подчинился требованиям момента.

Однако человек он был ловкий и хитрый — и старался ограничить провозглашённые в этом проклятом капитулярии принципы, не колеблясь казнить некоторых мятежных магнатов, обвинённых в предательстве [*попытка «отыграть назад» уступки силой*]. Но манёвра у

него оставалось немного: в 858 году вельможи восстали и призвали Людовика Немецкого, который без зазрения совести вторгся на земли сводного брата — того, с кем пятнадцать лет назад он так хорошо ладил [*политика важнее родства*]. К счастью, эпизод оказался кратким: Карл Лысый сумел удержаться.

Он сделал больше. В 875 году, воспользовавшись смертью Лотаря, он поспешил в Рим и в Рождество был коронован императором папой Иоанном VIII [*папа коронует — значит даёт высший символический статус*]. Тщетная попытка вырваться из капкана! [*императорский титул не вернул реальной власти.*] Придворные тут же напомнили ему о его подчинённости [*знать диктует условия*]. В июне 876 года, по приглашению папы начать поход в Италию, он был вынужден издать в замке Кьерзи на границе Суассонне новый капитулярий, вводивший наследственность крупных фьефов [*фьеф = земельный “лен/феод”, пожалование вассалу за службу*], «почестей» и прочих бенефициев [*бенефиций = земельное/доходное пожалование «за службу»*]. Мера, правда, была «временной», но временное укоренилось надолго и стало нормой [*типичный механизм: «временно» → «навсегда»*]. Надлежало покоряться решению Церкви и выбору вельмож — светских или церковных, — которым и принадлежала реальная полнота королевской власти. «Карл Лысый, — писал французский историк XIX века Фюстель де Куланж, — был королём верных, которым верные диктовали закон» [парадокс: король «своих», но «свои» им управляют]. Начиналась договорная система аристократической монархии, где государственный суверенитет, казалось, навсегда тонул в зыбучих песках феодальности [государство растворяется в частных феодальных отношениях]. Около шестидесяти семейных кланов делили епископства, аббатства и графства [*власть распределена между «династиями знати»*]. Большой Карл Лысый умер несколько месяцев спустя, 6 октября 877 года, близ Модана — на дороге, возвращавшей его из Италии.

К этим внутренним факторам распада каролингского общества прибавились новые вторжения, перед которыми имперские армии оказались бессильны.

«Варварские» набеги IX века

Богатства Империи — плод её несомненного экономического успеха — разжигали, в самом деле, чужую жадность [*«если страна богатеет, она становится приманкой для набегов»*].

Пришедшие из азиатских степей мадьярские племена [мадьяры = предки венгров; кочевые/полукочевые группы, двигавшиеся на запад] своими миграционными толчками [*волнами переселений, «сдвигами населения», как домино*] расшатывали славянский мир [*территории и политические образования славян Восточной и Центральной Европы*], усиливали давление на Германию и Италию [*то есть их движение толкало другие народы/силы и приводило к набегам на Восточно-Франкское королевство и север Италии*]. Некоторые их набеги достигали Лотарингии, Шампани и даже Аквитании [*то есть «дотягивались» до западнофранкских земель, далеко от исходной зоны*].

На юге арабы Северной Африки — сарацины [*в средневековой Европе так часто называли мусульманских противников вообще; слово употребляли широко и не всегда точно*] (то есть «восточные») [*автор даёт популярное объяснение; в реальности этимология сложнее, но*]

смысл здесь — «пришлые с Востока»] — разрушительными волнами захватывали Сицилию, Сардинию, Корсику [контроль над островами Средиземноморья = базы для рейдов], воевали в Италии и на юге Франции, откуда уводили цепи христианских рабов и продавали их на испанских рынках [то есть набеги имели и военную, и «экономическую» цель: пленники как товар].

Однако самая грозная опасность исходила от скандинавских набегов, начавшихся уже в первые годы IX века: от датчан, жителей северных земель, норвежцев и шведов [викинги = не один «народ», а разные группы Скандинавии]. На дракарах и снеккарах [типы длинных кораблей; «драккар» — знаменитое «длинное судно», «снеккар» — близкий тип, часто чуть меньше/маневреннее] — хрупких судёнышках с плоским днищем [это важно: такие суда могут входить в мелководные реки и подходить прямо к берегу], ярко раскрашенных, с завитыми носами или с носовыми украшениями в виде гримасничающих драконов [декор + психологический эффект], — бесстрашные воины-моряки, викинги, которых называли также норманнами [«норманны» = «северяне», европейское название викингов], сеяли ужас.

В конических шлемах с носником [носник = металлическая пластина для защиты носа] или в круглых — «в очках» [шлем с «кольцами/дугами» вокруг глазниц; выглядит как «очки»], с лёгким оружием, которое вскоре усиливали мечами, отнятыми у врагов [меч — дорогая вещь; захват мечей = усиление вооружения], эти стремительные «короли океана» [образное прозвище: хозяева морских дорог] поднимались по рекам — Иссеру, Сене, Шельде, Луаре, Гаронне, — спускались по Роне [они действовали не только с моря, но и как «речная кавалерия»] и били беспощадно в самое сердце каролингских земель, резали женщин и детей, раскалывали топорами черепа монахов [описание намеренно жёсткое: автор создаёт эффект ужаса], грабили города, разрушали и оскверняли церкви и аббатства — Сен-Мартен-де-Тур, Мармутье, Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Прэ, Сен-Бертен в Сен-Омере... [перечень знаменитых монастырей показывает масштаб удара по центрам культуры и богатства] — уносили богатые реликварии [ларцы/ковчеги с мощами святых], евангелия и кресты, инкрустированные драгоценными камнями [церковные сокровища = «концентрированное золото»].

Отовсюду вырывался вопль мольбы: *A furore Normannorum libera nos Domine* («От ярости норманнов избавь нас, Господи!») [латинская молитвенная формула; выражает массовый страх и религиозное восприятие бедствия]. Эти разорительные орды — редко более трёх-четырёх сотен человек (то есть одновременно шесть-семь дракаров) [важное уточнение: часто это были не «миллионы варваров», а сравнительно небольшие, но мобильные и дисциплинированные отряды] — жадные до добычи и резни, не уважали ничего, даже собственных клятв [образ «вероломства» врага в хрониках].

Они были тем опаснее, что нападали внезапно — на закате или на рассвете — и казались неуловимыми, леденя страхом жителей, вынужденных бежать или покупать короткую передышку за золото — данегельд (золото датчан) [*danegeld* = «датские деньги»: выкуп/дань, которую платили, чтобы откупиться от набега или добиться ухода]. Руан, Шартр, Эврё, Байё, Бове, Нуайон, Амьен, Мелён, Мо, Тур, Анже, Нант, Париж (трижды), Орлеан — никто не избежал набегов, пожаров и разорения [перечень городов подчёркивает: угроза была системной и повсеместной].

Феодальное общество

Современные историки — Жан Данбабин, Доминик Бартелеми, Флориан Мазель и другие — считают, что, вероятно, слишком полагались на сочинения тогдашних **клириков** [*клирики = церковные люди, авторы хроник; они писали из позиции Церкви и часто драматизировали бедствия*] и потому переоценили разрушения от норманнских захватчиков [*то бишь хроники могли «сгустить краски», а поздние историки приняли это слишком буквально*]. Они также оспаривают тезис о «внезапной феодальной мутации», якобы произошедшей между 980 и 1030 годами [*«феодальная мутация» = теория, что примерно за одно поколение общество резко «переключилось» на феодальный порядок*], и приведшей каролингское государство к политической анархии — тезис, который ещё в последней трети XX века защищал блестящий Жорж Дюби [*Дюби = крупнейший медиевист; автор напоминает, что раньше эту модель поддерживали авторитеты*].

Мы уже сказали, что следует думать о понятии «каролингского государства» [*намёк: «государство» тогда — не то же самое, что современное государство с институтами*]. В действительности попытка восстановить Западную Римскую империю натолкнулась на постепенное разложение властей — отчасти вызванное вторжениями [*внешнее давление ускоряло распад*], — а также на рефлекс сельского населения искать защиты у ближних властей, единственных, кто мог обеспечить выживание [*логика: когда далеко нет сильного государства, люди ищут «покровителя рядом»*]: у крупных собственников, местных сеньоров и у Церкви, в значительной степени подчинённой светской аристократии [*то есть епископы/аббатства часто зависели от знати и действовали вместе с ней*]. Такой «откат к безопасности» [*понятие: переход от «общегосударственных» гарантий к локальной защите*] происходил медленно; но ясно, что превращение высших имперских должностей в наследственное достояние было вполне реальным уже при великом императоре [*то есть зародыши феодальности возникли не «вдруг», а постепенно, ещё при Карле Великом*].

В этих условиях постепенно складывалась новая политико-правовая система — **феодальность** [*система власти и собственности, основанная на личной верности + земле как источнике дохода*], которая, вопреки распространённому мнению, не была режимом анархии «без веры и закона» [*автор спорит с клише «тёмные века = полный хаос»*], несмотря на насилие и социальную нестабильность, вызванные отсутствием регулирующего государства [*порядок был, но он был «частный», а не государственный*]. Её устройство опиралось одновременно и на связи «человек с человеком», и на передачу земельных благ [*ключевой дуэт: личная зависимость + земля/доход*].

Происходя от римской commendatio, эти связи восходили к V веку [*commendatio = «вверение себя» покровителю: слабый формально отдаёт себя под защиту сильного*]. Это был договор союза или военной помощи: слабый обращался к сеньору, «вверялся» ему [*то есть становился его «человеком», переходил под покровительство*], и, в обмен на защиту, обещал верно служить [*служба могла быть военной, административной, хозяйственной*]. Так образовывались цепи личной зависимости, отношения вассалитета [*вассалитет = система «сеньор ↔ вассал», основанная на клятве верности*]: ведь мелкий сеньор, которому крестьянин принёс присягу, сам в свою очередь искал защиты у более сильного [*получается «лестница»: крестьянин → мелкий сеньор → крупный сеньор → ещё крупнее*].

Переход земельных благ развивался по тому же принципу: скромные независимые хозяева предпочитали отказаться от полной собственности на землю, чтобы войти в орбиту более могущественного сеньора, при условии сохранить право пользования [механизм: «я отдаю землю “в верхнюю собственность” сильному, а сам остаюсь жить и работать на ней как держатель»]. В обратном направлении аристократия и Церковь предоставляли обработку своих земель крестьянам, обеспечивая им экономическое выживание, — за плату натурой или деньгами [натурой = зерном, скотом, работой; деньги тоже могли быть, но реже].

Феодалный ритуал постепенно оформлялся в IX веке. Тот, кто соглашался вступить в вассальную зависимость, становился на колени [жест подчёркивает подчинение]. Сеньор брал его сложенные руки в свои — знак отчуждения собственной воли [символ: «вверяю себя»], — принимал клятву на Евангелии или святых реликвиях («Я становлюсь вашим человеком») [религиозное «скрепление договора», клятва воспринимается как крайне серьёзная] и давал поцелуй [поцелуй мира: знак принятия в союз]. Сеньор, со своей стороны, обязывался защищать вассала [не только «власть», но и обязанность], после чего вручал ему символический предмет — меч, доспех, перчатку, жезл, ветвь или ком земли [предмет = знак передачи права/владения]: ведь вассалитет предполагал дар и передачу власти [служба должна иметь «материальную опору»]. Иногда символ сопровождался передачей фьефа [фьеф = земельный лен/феод, дающий доход, который кормит вассала и делает его способным служить].

Разрыв вассальной связи мог наступить, если вассал не явился на созыв оста — военной службы, ограниченной несколькими днями в году [ост = *hostis/host*; «ополчение/походное войско», которое сеньор собирает; служба обычно ограничивалась сроком, потому что рыцарь не мог бесконечно воевать и бросать хозяйство], — или если сюзерен повёл себя неверно, например, неправоммерно конфисковал земли вассала [то есть договор двусторонний: нарушил сеньор — вассал может считать себя свободным].

Можно было принести несколько присяг разным сеньорам [«множественная вассальная зависимость» — реальная практика]. Какая из этих верностей должна была тогда перевесить? Вот в чём состоял вопрос [конфликт лояльностей: кому идти служить, если оба зовут?]. Наследственность honores [honores = должности/«почести» публичной власти: графства, посты, полномочия] и бенефициев [бенефиций = земельное пожалование/доход, данное за службу], множественность вассальных обязательств естественно привели к разрыву прямой связи с монархом [король становится «далёким» и слабым по отношению к местным связям] и к безраздельному господству франкской аристократии [реальная власть оседает у крупных родов и их сетей зависимых].

Глава вторая

Первые Капетинги

(877–1108)

Соперничество Робертинов

Потребность в защите сельского и городского населения перед лицом нормандских вторжений, вкупе с неспособностью центральных властей дать на них ответ, объясняет, почему вооружённое сопротивление организовалось на ограниченной территориальной основе. Некоторые графы проявили себя в этом лучше, чем короли *Francia occidentalis* [Западная Франкия — королевство, возникшее после распада державы Каролингов; ядро будущей Франции], — например, Роберт Сильный, у истоков династии Робертинов, будущих Капетингов. Его предки были графами Оберрайна и Вормса на лотарингской земле [Лотарингия — пограничный “коридор” между западом и востоком бывшей империи Каролингов]. Большие владения, которые ему были доверены, занимали центральную зону Нейстрии между Сеной и Луара, Иль-де-Франс, графства Тур и Анжу, вместе с аббатствами Сен-Мартен в Туре и Мармутье [эти монастырские центры были не только религиозными, но и экономическими “узлами” власти]. Он получил достоинство «герцога франков», которым — дурной знак для последних Каролингов — обладали Пиппиниды во времена Меровингов (Карл Мартелл и Пипин Короткий) [«герцог франков» здесь — почти “верховный военный лидер” королевства; Пиппиниды — предшественники Каролингов]. Его клиентела [круг людей, связанных личной верностью] была богата множеством вассалов. Он, таким образом, выглядел как первый сановник королевства, если не сказать — как новый майордом [майордом — “управляющий дворцом”, который в позднем Меровингском периоде фактически держал власть].

Как только суверенитет исчез в крушении империи, растворённый в феодальном партикуляризме [распад власти на “частные” владения и интересы], династическая легитимность тоже не замедлила пошатнуться. Даже помазание при коронации святым елеем, восходившее ко второму коронованию Пипина Короткого в Сен-Дени папой Стефаном II, казалось, утратило свою мистическую ауру и трансцендентность [то есть уже не гарантировало автоматически признание]. Отныне настоящий вождь — грубый солдат, доблестный воин с неиссякаемой храбростью. В *Francia occidentalis*, несмотря на стойкую ностальгию по великому императору Запада, окружённому легендами, его потомки с трудом утверждались. После Карла Лысого Людовик II Заика (877–879) утратил даже контроль над королевским аббатством Сен-Дени. Два его юных сына, Людовик III (880–882) и Карломан (880–884), правили вместе два года, так и не сумев сдержать новую волну нормандских вторжений. Оба умерли в результате несчастного случая с лошадью.

Кровь Карла Великого редела, и Церковь вместе с высшей знатью призвали последнего сына Людовика Немецкого, Карла Толстого, который счёл себя достаточно крепким, чтобы попытаться в 884 году восстановить для себя империю своего прадеда,

охватывавшую *Francia occidentalis*, Германию, Лотарингию и Италию. Его власть над этими огромными территориями осталась чисто символической.

Посредственный государь, Карл оказался неспособен прийти на помощь Парижу, осаждённому викингами. Эта эпическая осада 885–886 годов, подробный рассказ о которой оставил монах Аббон [*существуют средневековые повествования об этой осаде; для времени это событие стало легендарным*], оставили глубокий след в эпохе. Древняя Лютеция [*римское название Парижа*], сосредоточенная главным образом на острове Сите [*Île de la Cité — “сердце” Парижа на Сене*], куда укрылось население пригородов, была окружена старой кирпичной стеной, кое-как подлатанной, с деревянными боевыми галереями вдоль реки. Два моста соединяли её с берегами: на севере — Большой мост, который станет мостом Пон-о-Шанж, на юге — Малый мост, будущий мост Сен-Мишель. Они были защищены на каждом из своих концов массивными укреплёнными башнями. Именно на эту систему напали несколько тысяч викингов, вооружённых внушительными катапультами и тремя таранами, установленными на шестнадцати колёсах из цельного дуба. Во главе стояли два бесстрашных вождя — Зигфрид и Ган-Рольф, по прозвищу Роллон, рыжий гигант, весь из мышц [*Роллон (Rollo) — фигура, традиционно связываемая с ранней Нормандией*]. Защитники числом всего двести человек отвечали горящими стрелами, кипящим маслом и расплавленным воском. Скандинавы в ответ пустили на опоры двух мостов брандеры [*суда-поджигатели*], выбрасывавшие в небо впечатляющие искры. Пока повсюду лилась кровь, доблестный Эд, сын Роберта Сильного, маркграф Нейстрии [*«маркграф» — пограничный военный правитель “марки”*], с мечом в руке отбросил этих бешеных. Викинги отступили. Вместо того чтобы столкнуться с ними в последней битве, нерешительный Карл Толстый, прибывший слишком поздно, предпочёл договориться об их окончательном уходе в обмен на дань в 700 ливров серебра [*«ливр» — средневековая денежно-весовая единица; точный эквивалент менялся по времени и месту*].

На Трибурском сейме, близ Майнца, император, презираемый своими баронами, обвинявшими его в трусости, был доведён до отречения. Страдая ожирением, став эпилептиком после трепанации, он умер в монастыре Нойдинген на Дунае — задушенный, как говорят, своими же слугами. Таковы были нравы времени. В феврале 888 года прекрасный Эд, граф Парижский, победитель осады, обожаемый герой всего Иль-де-Франс, был избран королём. Избирательный принцип одержал верх над принципом наследственного престолонаследия. Чтобы укрепить свою легитимность, новый монарх прибавил к своему избранию великими королевства святое помазание, которым его отметил архиепископ Санский и митрополит Парижа в аббатской церкви Сен-Корней в Компьене. Подобно Пипину Короткому, он стремился закрепить свою власть на Небе, чтобы поставить себя выше герцогов и графов. Избранный Богом, как владыки давидовой монархии [*отсылка к библейским царям Израиля*], он должен был отвечать только перед Ним. Так началось королевство божественного права [*идея “власть от Бога” становится политическим инструментом легитимации*]. Для большей надёжности почти два года спустя, 23 ноября 889 года, во время второй церемонии интронизации в соборе Реймса, он короновал себя сам (Карл Великий не мог сделать этого в присутствии папы, Наполеон осуществит это...) [*намёк на коронацию Наполеона 1804 года, когда он символически “сам себя” короновал*].

По правде говоря, было ещё слишком рано менять династию и забывать престижную каролингскую кровь. Эд согласился разделить свою власть с потомком великого императора, Карлом III Простоватым (от *simplex* — Искренний) [*здесь уточняется смысл прозвища: “простоватый/простой” как “прямой, искренний”*], посмертным сыном Людовика Заики, которому корона перешла после смерти Эда. Это новое царствование представляло собой цепь войн против великих вассалов. Слабость этого Карла была столь велика, что он оказался неспособен вернуть церковные бенефиции [*доходные церковные должности/земли*], захваченные узурпаторами. Осенью 911 года, воспользовавшись небольшой победой, он подписал с датским вождём Роллоном договор Сен-Клер-сюр-Эпт, отдавая викингам управление несколькими графствами нижней долины Сены, а также епархии Руана, Эврё и Лизьё (то есть нынешнюю Верхнюю Нормандию, расширенную областью Пеи-д’Ож) [*это один из ключевых шагов к формированию Нормандии как особого политического пространства*].

Ассимиляция нормандов

Остановимся на мгновение, чтобы наблюдать явление, которое отсылает к одному из пяти столпов, на которых была построена Франция: включение, а затем ассимиляция чужеземного населения. Включение нормандских завоевателей — нескольких десятков тысяч людей, завоевавших и навязавших свои законы самой богатой провинции к северу от Луары, — происходило постепенно через их оседание и христианизацию.

Франция, у которой нет ни биологической идентичности, ни этнической реальности, строилась из многочисленных смешений населения, из слоёв заселения, которые следовали друг за другом и сплавлялись. Нет, наши предки — не галлы, как скажут в конце XVIII века, чтобы противостоять безумному притязанию дворянства вести происхождение от франкских воинов! Нет, галльская нация — если предположить, что кельтское чувство общности действительно существовало за пределами племенных рамок, — не является предвосхищением французской нации, чистого построения Истории вокруг Капетингов и их домена Иль-де-Франс. Как замечал Жак Ле Гофф, «во Франции нация в том смысле, как мы её понимаем сегодня, как и государство в том смысле, как мы его ещё понимаем, — королевской инициативы». Прощай, Верцингеторикс, национальный герой, которого использовали учителя Третьей республики после поражения 1870 года! Прощай, гордый Астерикс и его непокорная деревня, сопротивляющаяся римскому вторжению! «Французы, — писал в 1933 году Шарль Сеньобос в своей “Искренней истории французской нации”, — народ метисов; не существует ни французской расы, ни французского типа». К племенам неолита, смешанным с кельтскими захватчиками — эдуями, арвернами, ремами или секванами, открытыми внешним культурам, рано эллинизированными, затем романизированными ещё до прихода Юлия Цезаря, — добавились итальянские колонисты: несколько десятков тысяч ветеранов легионов, поселённых на Юге, в долине Роны или на границе с Германией. Так возникло галло-римское общество — через слияние местных элит. В III веке нашей эры произошли набеги германских воинов. Галло-римляне поселили некоторых из этих захватчиков как колонов на восточных границах. В конце V века волнами, на протяжении десятилетий, хлынули новые варвары: вандалы, свевы, васконы (гасконцы), аланы, затем вестготы, бургунды, салические и рипуарские франки. Последние две группы принадлежали к населению,

долго жившему на окраинах Империи — от Кёльна до устья Рейна. В 451 году, союзники римской державы, они защитили, вместе с вестготами, территорию Галлии перед войсками гуннов под предводительством Атиллы. Это была победа на Каталаунских полях [в русской традиции также: “битва на Каталаунских полях”].

Франкская королевская власть окончательно утвердилась с династией Меровингов на севере Франции и на территории нынешней Бельгии. Крещение на Рождество 498 или 499 года (скорее, чем 496) одного из их вождей — Хлодвеха или Хлодовига (Clodovicus, Хлодвиг), доблестного сына Хильдерика, внука Меровея (мифический предок?), а затем крещение его воинов стало важнейшим моментом в распространении христианства на Западе: другие варварские народы были либо язычниками, либо, как бургунды и вестготы, арианскими еретиками [*арианство — христологическое учение, признанное ересью в никейской традиции*]. Держа на своих плечах христианскую культуру и цивилизацию, Церковь, пережившая крах Западной Римской империи в 476 году, оказалась связана со всеми ступенями власти через епископов и аббатов. В начале VI века Хлодвиг, правивший с 481 по 511 год, сумел присоединить вестготское королевство Аквитании — в ожидании того, что его сыновья, «короли с длинными волосами» (символ их власти), нанесут смертельный удар бургундам долины Роны. Не будем выводить из этого, что Франция начинается с него, как это делали учителя Третьей республики. Не будем спешить и оставим благочестивое житийное повествование Григория Турского и суассонскую вазу [легендарный “восклицательный” эпизод о дисциплине и королевской власти] нашим пыльным школьным учебникам! С королевством франков, многократно делившимся по действовавшим правилам наследования, мы всё ещё остаёмся в галльском пространстве, сильно пропитанном христиано-римской культурой — по крайней мере до VI века. Но факт в том, что за несколько поколений франкское, германское и галло-римское население перемешалось, а культурная гомогенизация происходила под эгидой христианства.

В X веке аккультурация норманнов, их “офранцуживание”, были столь же быстры. Одним из условий, поставленных Карлом Простоватым Роллону, было — помимо оммажа за уступленные территории (*commendatio*) [личный акт вассальной “передачи себя в покровительство”] — его обращение и обращение его воинов в христианство. Роллон таким образом принял в крещении имя Роберт — знак религиозной и политической интеграции. Он и его преемники, в том числе его внебрачный сын Гийом Длинный Меч, подняли из руин аббатства, которые их предки сжигали: Фекам, Жюмьеж, Сен-Вандриль... Процвели города: Кийбёф, Эльбёф, Крикбёф (названия, составленные с скандинавским корнем *bud*), Онфлёр, Барфлёр, Арфлёр (от норвежского корня *floodh*). [Дополнительно: в нормандской топонимике действительно сохранилось много следов скандинавских языковых пластов; точные этимологии отдельных основ могут обсуждаться в лингвистике]

От интеграции перешли к ассимиляции и даже к укоренению. За несколько лет уже ничто не отличало их от местных жителей. На “вышивке из Байё” [знаменитый “гобелен” XI века о завоевании Англии] они обозначены как франки.

Они приняли политические структуры своих противников, моду на феодальные войны — набеги-конные рейды, стычки и вендетты, чередующиеся с перемириями и переговорами, — укрепляя свою территорию, неустанно нападая на соседей и расширяя то, что станет герцогством Нормандия. Они пошли ещё дальше — с авантюристами вроде Райнульфа Дренго, Гийома Железная Рука, Дрогона, Онфруа и Робера Гискара, последние четверо были сыновьями Танкреда де Отвиля, — основывая нормандские княжества в Южной Италии или на Сицилии и, после первого крестового похода, христианское княжество Антиохия [Дополнительно: нормандская экспансия в Италии и на Востоке — одна из самых поразительных “вторых жизней” Нормандии; в XI веке это стало фактором средиземноморской политики]. Эта ассимиляция не помешала им сохранить некоторые черты их северного происхождения. Отметим, что так будет и с остальной Францией, когда короли, а затем прежде всего Республика завершат процесс централизации. Ассимиляция никогда не означала унификации.

Робертины в завоевании власти

Подписание договора Сен-Клер-сюр-Эпт принесло Карлу III Простоватому мир на западе. Воспользовавшись смертью в пятнадцать лет Людовика Младенца, короля Германии и последнего каролингского правителя Германии, он был провозглашён государем Лотарингии и гордо присвоил себе титул *Rex francorum* [“король франков”]. Собирался ли он восстановить Империю в свою пользу? Нисколько, потому что германские графы считали его чужаком. Не сумев утвердиться, он был разбит на поле битвы новым королём Германии Генрихом Птицеловом. Примерно в это время в текстах *Francia orientalis* [Восточная Франкия] перестали употреблять выражение *Regnum teutonicum*, что служит доказательством необратимого отдаления разных частей Каролингской империи.

Вельможи *Francia occidentalis*, недовольные пребыванием своего монарха в Лотарингии, где он разгуливал со своей скукой от Эрсталя до Меца через Ахен — место всех ностальгий [Ахен — столица Карла Великого и символ “имперской памяти”], — объединились во главе с Робертом, герцогом франков, братом Эда. Бои были ожесточёнными. В 922 году, пренебрегая существующей властью, Роберт был коронован архиепископом Санса под именем Роберта I. Во второй раз каролингская легитимность была поставлена под удар. Однако новый король был убит в следующем году в битве при Суассоне. Карл III Простоватый, ни от чего не отказавшийся, продолжал воевать, не сумев

вернуть полноту своей власти. Один из его вассалов захватил его и велел заключить в донжон Шато-Тьерри, затем в Перон, где он умер в 929 году.

Наследник Роберта Сильного, племянник короля Эда и сын Роберта I, Гуго Великий, герцог Галлии, первый барон западного христианства, мог бы возложить на себя корону. Он предпочёл роль “делателя королей”, одновременно умножая выгодные брачные союзы для своего клана. Правда, узурпация его отца шокировала многих баронов, и его смерть была истолкована как суд Божий. Эта стратегия позволила ему получить прирост могущества и “захватить” новые аббатства — Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Мор-де-Фоссе, Морьенваль и Сен-Рикье в Абвиле, от которых зависели огромные сельскохозяйственные домены.

Сначала Гуго добился избрания своего шурина Рауля, герцога Бургундского, который не был Каролингом. Тот оказался неспособен противостоять взбунтовавшимся вассалам. В 936 году, после смерти последнего без детей, Гуго Великий поддержал кандидатуру старшего сына Карла Простоватого, который укрылся при английском дворе. Он поехал за этим пятнадцатилетним юношей в Булонь и добился его помазания как Людовика IV Заморского в Лане архиепископом Реймским Арто. К несчастью, оба вскоре поссорились. Гуго Великий зашёл слишком далеко в своих преимуществах, распространив свой сюзеренитет на Бургундию, Нормандию и Аквитанию. Затем он захватил Реймс, держал год Людовика Заморского в тюрьме и добился передачи ему Лана — его последнего фьефа. Устав от этой невыносимой опеки, маленький король взбрыкнул. Он поднял папу, императора, графа Фландрии и князей. Хищный Робертин был отлучён от Церкви.

Однако новые яростные вторжения гуннов в Бургундию и Аквитанию вызвали эффективное примирение двух мужчин. Несколько лет спустя сын Людовика IV Заморского, доблестный Лотарь, делал всё, чтобы поднять престиж короны. Он тоже был увлечён Лотарингией, которую хотел бы присоединить, но столкнулся с впечатляющей мощью новой династии — Оттонов: саксонец Оттон I, король Германии и Италии, коронованный императором в Риме в 962 году, затем Оттон II и Оттон III. На какое-то время германские армии пришли и осадили Париж.

Примкнувшие к оттоновской партии Адальберон, епископ Реймса, происходивший из великой лотарингской семьи, и его секретарь Герберт, учёный монах Сен-Жеро д’Орийак (и будущий папа Сильвестр II), мечтали восстановить Каролингскую империю в пользу этой новой завоевательной династии.

Лотарю наследовал Людовик V Ленивый. Тот, очень привязанный к своему трону — вопреки тому, что внушает его прозвище, — счёл своим долгом преследовать за измену Адальберона. «Самый преступный из людей, — заявлял он, — во всём благоприятствовавший при правлении моего отца Оттону, врагу французов (франков)». Он занял Реймс и вызвал архиепископа перед собранием великих в Компьене. Гуго Французский, сын Гуго Великого, *Dux francorum*, глава армии и первый королевский советник, проявлял совершенную лояльность и следовал за своим королём, стараясь умерять его пыл. И тут произошёл несчастный случай, который должен был изменить

судьбу страны: Людовик V Ленивый, двадцати лет, глупо разбился, упав с лошади во время охоты в лесу Санлис. У него не было детей.

Возвышение Гуго Капета

На новом собрании великих в Санли Адальберон не только был оправдан, но и сыграл важнейшую роль в избрании нового короля. Кандидатура последнего Каролинга — Карла, герцога Нижней Лотарингии, близкого к Оттонам, — была быстро отброшена под предлогом того, что, находясь в вассальной зависимости от германского императора, он является чужаком для королевства *Francia occidentalis*. Доказательство того, что при отсутствии патриотизма процесс дистанцирования между западом и востоком бывшей Каролингской империи продолжался, и вместе с ним — чувство принадлежности к разным целым. 1 июня 987 года голоса единодушно сошлись на Гуго Французском — Гуго Капете, — который стал популярен тем, что уничтожил в 978 году арьергард германцев Оттона II в долине Эны [*подобные эпизоды военной “удачи” часто превращались в политический капитал — особенно в эпоху, когда сила защищать означала право править*].

Происхождение этого прозвища, ставшего фамилией, неясно. Происходило ли оно от его качества светского аббата Сен-Мартена в Туре, унаследованного от его отца Гуго Великого, и от его атрибута — *sarra*, или небольшого плаща? Или оттого, что он был хранителем знаменитой плащаницы [*“плаща”*] святого, половину которого тот отдал бедняку, дрожавшему у ворот Амьена? В любом случае Гуго был провозглашён в Нуайоне 1 июля и помазан в воскресенье 3-го Адальбероном, радостным оттого, что нашёл в нём защитника. Этот выбор казался наиболее разумным. Наследник Эда, Роберта I и Гуго Великого, сдержанный Капетинг, племянник Оттона I по матери Хедвиге и кузен Оттона II, уже владел напрямую лишь ограниченным набором фьефов от Компьенья до Орлеана; остальное было уступлено вассалам или стало предметом феодальных дарений, предназначенных покупать верности. Помимо примерно сорока «вилл» [*в средневековой латыни и французской традиции “villa” — крупное поместье/хозяйственный центр*], король жил доходами своих аббатств и своими рыболовными правами в Иль-де-Франс. Немногие графства, входившие в королевский домен, такие как Вандома, Гатине, Валуа, Суассонне, Понтуа, Бове, Амьен, Санс и Жуаньи, не выдерживали сравнения с прекрасными провинциями великих феодалов, от которых он принимал *оммаж* — впрочем, очень умеренный. Слабое наследство — заключили — слабая власть. В представлении Адальберона новый король, более податливый, поскольку лишённый каролингской легитимности, неизбежно будет вынужден подчиниться Оттонам.

Никто, разумеется, не мог вообразить, что с потомками Карла Великого покончено — покончено окончательно, — и что живучая династия Капетингов продлится до 1328 года, а затем косвенно, через Валуа, Бурбонов и Орлеанов, и до 1848 года. Главное для великих баронов было показать свою мощь, восстановив избирательный принцип. С тех пор как *res publica* исчезла [*букв. “общее дело”; здесь — идея общественного порядка/государственности, не сводимой к личной власти*], они прекрасно мирились с этой символической королевской властью и её далёким мистическим авторитетом. Им и в голову не приходило требовать корону для себя. За этим удобным ширмоподобным

прикрытием герцог Нормандии, герцог Гиени, графы Тулузы и Фландрии могли спокойно управлять своей провинцией.

Планировал ли Гуго Капет своё восшествие на престол, заботясь о своих отношениях с высшей аристократией, опираясь на влиятельные монастыри, шадя Адальберона и Герберта, как думал историк Эдмон Поньон — в отличие от Фердинанда Лота, который видел в нём человека слабого, благочестивого и покорного Церкви? Более важна, чем характер короля, который невозможно извлечь из туманов Истории, эволюция структур. Один из его последних биографов, Лоран Тейс, справедливо настаивал на подъёме монашества, опоры Робертинов. Подрывая власть епископа, это духовное течение одновременно ослабляло каролингские основания.

Когда он вошёл на трон, Гуго Капету было около сорока — возраст по тем временам канонический. Поэтому он очень быстро подумал о преемственности. Как до него сделал Лотарь в пользу Людовика V Ленивого, он приобщил к власти своего сына Роберта, двадцати лет, коронованного и провозглашённого в Орлеане в день Рождества 987 года. Хотя король был слабым, хитрости и умения ему хватало.

Сюзеренитет Гуго Капета простирался, почти полностью, на прежнюю *Francia occidentalis* Верденского договора, которая оставалась мозаикой регионов, языков и обычаев. Вне королевской орбиты оставалась центральная зона Лотарингии, где теперь царствовала династия Родольфиенов: Бургундия, Франш-Конте, Лионне, Савойя, Дофине и Прованс.

Капетинская преемственность

Первые Капетинги вынуждены были считаться с этими честолюбивыми соседями, но также и с великими сеньорами: графами Фландрии, которые разыгрывали свою двойную вассальную зависимость от императора и короля франков [*то есть формально могли “держатъ свечку” сразу двум верховным властителям и лавировать между ними*]; графами Тура, Блуа и Шартра — авантюристами, происходившими от некоего Тибо Ловкача (Thibaut le Tricheur) [*прозвище буквально значит “плут/хитрец”*; это одна из самых “подвижных” династий раннефеодальной Франции].

Не забывая и о Фульке Нерра (Чёрном — из-за смуглого цвета лица), графе Анжу с 987 по 1040 год, ненасытном хищнике, опьянённом кровавыми конными набегами и грабежами, и о его сыне, не менее беспокойном, Жоффруа Мартеле — свирепом бойце, разорившем Вандомуа, Сентонж и графство Мэн. [*Фульк Нерра действительно вошёл в историю как крайне жестокий правитель, при этом известный и демонстративными актами покаяния, пожертвованиями и паломничествами — типичный парадокс эпохи “грех—покаяние—снова грех”.*]

Их нужно было беречь, льстить им, сталкивать их между собой. Графы Барселоны и Тулузы были слишком далеко и слишком горды, чтобы считать себя вассалами Капетинга. Первый в конце концов добился своей независимости. Считая себя равным королю, великолепный Гильом V Аквитанский оспаривал у Капетингов их права назначения на епископство Ле-Пюи и на сеньории Буржа и Бурбона. [*Гильом V известен также как “Гильом Великий” (le Grand); Аквитания тогда — почти “государство в государстве”.*]

Что же до далёкой армориканской зоны [*Арморика — прежде всего Бретань и прилегающие земли; регион с сильной обособленностью и собственной политической традицией*], которая так и не вошла по-настоящему во франкскую орбиту, то она становилась объектом ожесточённых распр между графами Ренна, Нанта и Корнуая.

Самым могущественным из этих высоких сеньоров — более могущественным, чем его капетингский сюзерен, и потому куда более тревожным, — был искусный и хитрый герцог Нормандии Гильом Бастард, прозванный Завоевателем. Этот человек не от мира сего был воспет как несравненный герой за то, что вырвал у своего кузена Гарольда II Годвинсона корону Англии в кровавой битве при Гастингсе 14 октября 1066 года — эпизоде, который подробно рассказывает, к нашему наслаждению, Байёский гобелен. [*Гобелен из Байё — редкий пример “визуальной хроники” XI века: политика, война и пропаганда в нитях и фигурах.*]

Он был коронован 25 декабря того же года в Вестминстерском аббатстве, став тем самым равным по достоинству Капетингу.

Нормандская эпопея лишь начиналась... Невозможно среди столкновения appetits, честолюбий, разбоев, изменчивости больших и малых вассалов говорить о каком-либо чувстве национальном — даже региональном.

Капетинги, однако, обладали рядом преимуществ, которые позволили им со временем наращивать мощь. Первым из них было их качество представителей Бога на земле: священное помазание — происходившее от Пипина Короткого, а вовсе не от Хлодвиг, как хотел заставить поверить в IX веке Гинкмар Реймский, смешивая помазание коронации с помазанием крещения, — придавало им власть божественного происхождения, добавочный престиж, которого не имел ни один другой сеньор в их королевстве. [*Современная наука обычно подчёркивает: связь “помазание королей Франции — напрямую от крещения Хлодвиг” была во многом сконструирована позднее как идеологический мост.*]

Тот же Гинкмар стал распространителем благочестивой легенды, призванной к огромному резонансу, — легенды о Святой Ампуле: маленьком стеклянном флаконе, хранившемся в монастыре Сен-Реми в Реймсе, из которого во время коронации извлекали ничтожную частицу ароматного бальзама и смешивали её со святым миром, чтобы помазать монарха. Считалось, что ампула была принесена чудесным образом голубем Святого Духа. Этот священный бальзам якобы постоянно обновлялся.

Восхваляя королевское величие, Гинкмар на деле добивался, чтобы короли как христианские правители подчинялись Церкви. По его требованию они были обязаны защищать католическую веру, религиозные учреждения и, в особенности, епископов. Людовик Заика, сын Карла Лысого, первым произнёс эту клятву в Компьене 8 декабря 877 года. Затем церемониал совершенствовался. Капетингские короли получали от архиепископа кольцо, корону, меч, именуемый мечом Карла Великого, скипетр и “длань правосудия” (регалии), торжественно обещали даровать народу “законы, соответствующие его правам”. На коронации они надевали далматику, как у субдиаконов [*литургическое облачение низшего духовного чина*]. Хотя священниками они не были, им разрешалось причащаться “как внешним епископам” [*то есть с особым статусом*]

мирского правителя в церковном обряде] — и хлебом, и вином [“под обоими видами”]. В политическом смысле короля представляли почти как “образ Христа” — человека с особыми дарами благодати; его уподобляли священнику “по чину Мелхиседека” [библейский образ: священство “особого типа”, не обычное священство Левитов]. [Это важный момент: король как бы стоит на границе сакрального и светского — не священник, но “помазанник” с особым статусом.]

В ответ поддержка клириков, считавших их естественными защитниками, была им обеспечена. За отсутствием администрации, опирающейся на учёных мирян, капетингские монархи — в большинстве своём благочестивые — допускали в ближайшее окружение немало образованных церковников.

Другим преимуществом Капетингов было их положение верховного сюзерена, которому должен был приноситься ленный оммаж. В обществе X–XI веков вассальная связь была существенна, а клятвопреступление считалось изменой (фелонией). Они пользовались этим высоким положением, чтобы разбирать конфликты, защищать более слабых сеньоров. Однако в переплетении вассальных связей, иногда сопровождавшихся двойными или тройными верностями, ещё рано говорить о “феодальной пирамиде” [то есть “стройной вертикали” пока нет: скорее сеть, узлы и перекрёстные зависимости].

Кроме того, они раздавали бенефиции, *honores*, баронии и замки, что позволяло им привязывать к себе многочисленных клиентов [сеть людей и групп, обязанных королю выгодами и покровительством]. Даже если значительные части Церкви были заражены процессом раздробления, который привёл к тому, что власть назначать епископов и аббатов ускользнула от королей к герцогам и графам, Капетинги сохраняли твёрдую руку над прелатами, зависевшими от королевского домена, и ещё над некоторыми другими. Наконец, к этим преимуществам добавлялось центральное положение Иль-де-Франс и его престижной столицы. [География здесь работает как “усилитель”: из центра проще удерживать нити, чем с окраины.]

Была ли политика Капетингов предписана географией и постоянствами социополитических данных? Уже при Гуго Капете намечаются константы, которые будут повторяться со временем: сопротивление политической власти римских понтификов и дистанцирование от германского императора, которому короли *Francia occidentalis* ни при каких обстоятельствах не хотели приносить вассальную присягу. Гуго Капет, который до вступления на престол был близок к оттоновской власти, будет — безуспешно, правда, — искать брачный союз со стороны Византии, чтобы уравновесить соотношение сил внутри западного христианского мира. [Идея понятна: “если Запад давит через империю, нужен противовес на Востоке”].

Трое его преемников не оставили особенно яркого следа в Истории. Его сын Роберт II Благочестивый, король с 996 по 1031 год, высокий крепыш с широкими плечами и сутулой спиной, мягкий и скромный, образованный, музыкант, сентиментальный, прежде всего известен своими политико-супружескими неудачами. При его правлении установилось правило первородства, согласно которому королевское наследование происходило в порядке мужских рождений. основополагающий шаг к наследственной

монархии. [Это один из механизмов “успокоения” престолонаследия: меньше поводов для раздела и гражданских войн.]

Именно из-за этого правила — вызвавшего, впрочем, немало сопротивления — Генрих, второй сын Роберта, наследовал ему под именем Генриха I. В 1051 году, овдовев после Матильды Фризской, он женился на Анне Киевской, дочери великого князя. [Этот брак — редчайший для Франции XI века “дальний союз” с Русью; Анна/Анна Ярославна стала королевой в 1051 году.]

В остальном о нём почти ничего не известно, кроме того, что он вёл жизнь воина, неустанно сражаясь против непокорных вассалов своего домена.

Филипп I, сын от второго брака, взойшёл на трон в 1060 году и правил до 1108-го. Этот тучный великан, циничный, чувственный, без веры и закона, продавал свои епископства тому, кто больше заплатит, в то время как папа Григорий VII приступал к реформе нравов светского духовенства. [Контекст — “григорианская реформа”: борьба с симонией (продажей церковных должностей) и с разложением клира.]

При всей своей склонности к чрезмерным проявлениям благочестия, его частная жизнь вызывала скандал. Не раз папы Григорий VII, затем Урбан II, а потом Пасхалий II угрожали развязать его подданных от их клятвы верности. [Угроза “освободить от присяги” — одна из самых грозных папских дубинок в XI веке; её применяли и к императорам в эпоху борьбы за инвеституру.]

Тем не менее, в эту эпоху Капетинги стали “старшими сыновьями Церкви”. [Формула “*fils aîné de l’Église*” закреплялась постепенно и особенно систематизировалась позднее; но связь французской короны с католической идентичностью действительно постоянно подчёркивалась.]

Все эти короли ездили верхом, воевали, осаждали города, укрепляли или расширяли свою территорию. Но не будем воображать постоянного роста их могущества. Округляя свой домен “лоскут за лоскутом”, Филипп I приобрёл Гатине, территорию монастыря Корби, Французский Вексен, виконтство Буржа и шателению Дюн. Но в 1079 году он был наголову разбит Гуго Блавоном, дерзким мелким вассалом, захватившим королевскую крепость Пюизе между Этампом и Орлеаном. [Крепость Пюизе — символ того, как “малые” могли унижать “великого”, если удачно пользовались моментом и местностью.]

Так чередовались отнятия и дарения. Единство было подобно ткани Пенелопы, которая ткалась днём и распускалась ночью. Мы были ещё очень далеки от представления о неотчуждаемом государстве. К счастью для укоренения новой династии, три первых Капетинга, коронованные при жизни отца, долго удерживались на троне: Роберт II — тридцать пять лет, Генрих I — двадцать девять лет, Филипп I — сорок восемь лет.

«В скудном свете, который оставили нам эти тёмные времена [то есть: источников мало, и они обрывочны], трудно живо представить себе те бурные правления — с их “ночами” и “молниями” [долгие периоды смуты и внезапные вспышки событий: войны, перевороты, набеги]. Нравы этого грубого, воинственного и свирепого общества — смесь набожности и суеверия, клятв на реликвиях [клялись на святынях, придавая присяге сакральный вес] и

клятвопреступлений, рыцарских жестов и грязных ударов [*внезапные измены, ловушки, удары исподтишка*], “поцелуев мира” [*ритуальный знак примирения*], за которыми следовали расправы предельной жестокости — убийства, зверские пытки, калечащие наказания, публичные истязания, выпотрошенные враги или содранные заживо шкуры, выколотые глаза и т. д.— действительно чужды нашим нынешним западным представлениям. К тому же, из-за нехватки документов [*мало записей, многое не фиксировали или не сохранили*] эти короли проходят через Историю как тени — без чётких черт и “плоти” характера.»

В XI веке Церковь пыталась хотя бы частично сдержать насилие через движения «Мир Божий» и «Перемирие Божье» [*ограничения на войны и нападения в определённые дни/против определённых групп*] — именно потому, что общество привыкло жить в логике силы и мести.

Глава третья

Мир в движении

(XI-XII века)

Христианские корни

Несмотря на суровость времени и нравов, общество *Francia occidentalis* [Западно-Франкское королевство, ядро будущей Франции], насквозь пропитанное христианством, тяготела к вере и ко всему священному. Люди мечтали приблизиться к Божественному через Церковь, ожидая *парусии* [Второго пришествия Христа]. Спасение души было важнее, чем погоня за земным благополучием, по определению являющимся недолговечным. К участию в таинствах и множеству паломничеств добавлялись культ Пресвятой Девы Марии, почитание ангелов, святых и реликвий, от которых ждали защиты или исцеления, рискуя, впрочем, скатиться к идолопоклонническим практикам, которые уже тогда осуждали. Один пример среди многих — народное почитание, смешанное с суеверием, выросшее вокруг знаменитой и великолепной статуи-реликвария святой Фуа из Конка. [Конк (*Conques*) — одно из ключевых мест паломнической Европы; реликварий святой Фуа — знаменитый шедевр романского искусства.]

Церковь направляла нравы, институты и политические структуры. По всей социальной лестнице — от короля до самого бедного серва — господствовал благоговейный страх перед Богом, смешанный с постоянным страхом дьявола, вечного осуждения и ада. Этот страх, вероятно, был скорее библейским, чем евангельским, и он не породил «эсхатологического ужаса» конца света около 1000 года, как многие потом повторяли вслед за Жюлем Мишле. Он, возможно, тревожил отдельных монахов, переписывавших «Апокалипсис», но не выходил за высокие стены монастырей. [Полезно помнить: миф о «панике года 1000» сильно преувеличен; источники говорят скорее о локальных страхах, чем о всеобщей истерии.]

В это время внутри сеньориальных или княжеских «домов» — *maisnies* [дворы, «домашние дружины» и окружение господина] — появилась собственно рыцарская среда, со своими обрядами посвящения (посвящение в рыцари, турниры, которые поначалу были

настоящими «полевыми битвами»), идеалами придворной любви и моралью рыцарской чести. Это была привилегированная воинская каста, пополнявшаяся из обеспеченной молодой знати (кольчуга стоила как целая ферма). Во время посвящения оруженосец или *damoiseau* [молодой дворянин «при шпоре», еще не рыцарь], который до того носил щит своего господина и ухаживал за его конём, получал меч и символический пояс. Это движение поддерживала Церковь, стремившаяся «обуздать» и одухотворить нравы этих «железных веков».

С севера на юг, с востока на запад — благодаря потоку даров и завещаний могущественных сеньоров, желавших искупить свою грешную жизнь, — страна покрылась тем самым «белым плащом церквей», о котором говорит клюнийский хронист Рауль Глабер: расцвет, навсегда вписавший священное в ландшафты. Деревянные или каменные храмы, уже существовавшие, заменялись другими — красивее и просторнее, с высокими колокольнями, чьи трогательные звуковые волны разносились по всей стране. Приходы становились чётко очерченными единицами, «собирая» территорию и окормляя верующих. Такими они должны были оставаться до совсем недавнего времени, формируя «глубинную Францию». [*Приходская сеть во многих местах пережила века почти без разрыва: именно через неё люди воспринимали пространство — «свой мир».*]

Однако сохранялся большой беспорядок из-за того, что каролингские короли и их преемники раздавали церковные *honores* [бенефиции, доходные «чести/должности»] мирянам в награду за верность. Плохо разграниченные светская и духовная сферы накладывались друг на друга. «Короли и князья сами назначали епископов и аббатов и торжественно вводили их в должность [это и есть “инвеститура”]. А доходные церковные места при соборах [канонические пребанды] нередко просто передавались по наследству. В итоге — пусть и не везде — появлялось немало недостойных священнослужителей: продажных, занимавшихся симонией [покупка/продажа церковных должностей и доходов], живших с женщинами и даже ведших себя как обычные вояки, а не как духовные лица.»

Реформы уже начинались. В 909 году в области Маконне был основан монастырь Ключни — в русле бенедиктинской традиции [*то есть по уставу святого Бенедикта*]. Он подчинялся напрямую Риму [*папе, а не местным князьям или епископам*] и поставил целью навести порядок в монашеской жизни и богослужении [*дисциплина и литургия*]. Благодаря таким аббатам, как Одон и Майоль (конец X века) и Одилон (начало XI века), Ключни стал важнейшим духовным и интеллектуальным центром: он готовил монахов, которых затем отправляли основывать дочерние обители и реформировать другие монастыри [*«рассеяние семян»*]. Постепенно, при поддержке пап, вокруг Ключни сложилась широкая сеть монастырей — своего рода «ключнийская Церковь» (*Ecclesia cluniacensis*) — с особыми привилегиями и иммунитетами [*защитой от вмешательства светской власти*] и с большой самостоятельностью по отношению к епископам и местным сеньорам. [*Ключни надолго стал «лабораторией» церковной реформы: отсюда распространялись новые правила, новый стиль благочестия и новая политика папства.*]

Воинственное насилие, разъедавшее феодальное общество, вызывало тревогу. Поэтому Церковь старалась как можно лучше защитить уязвимых, бедных и церковные здания. Так возникло движение «Божьего мира» и «Божьего перемирия», пытавшееся ограничить или

запретить частные войны во время литургических праздников и в определённые дни недели (со среды до утра понедельника). [*Это был один из способов «приручить» войну правилами, когда государство ещё слишком слабо, чтобы держать монополию на насилие.*]

Григорианская реформа (1049–1122)

Вторая половина XI века открывает огромную духовную и церковную волну — григорианскую реформу: её начал Лев IX (1049–1054), продолжил тосканский монах Гильдебранд, ставший Григорием VII (1073–1085) и давший реформе имя, а завершил Урбан II (1088–1099). Эта папская линия разрывала с посткаролингским порядком: речь шла о возвращении к простоте первохристианской Церкви, очищенной от мирского влияния и от принуждений феодальной системы; о том, чтобы снова поставить в центр жизни Церкви мессу и причастие и подчеркнуть особую роль и авторитет священников.

Следом папство активно поддерживало монастырскую реформу. Влияние клюнийской сети тогда достигло апогея. Третья клюнийская аббатская церковь, начатая в 1085-м и завершённая в 1130-м, была крупнейшей церковью христианского мира до строительства собора Святого Петра в Риме. Движение связалось со взрывом «второго романского искусства». [*Клюни III — символ масштаба эпохи: монастырь мыслит не «деревней», а «вселенной», и строит соответственно.*]

Свидетельством монашества, ставившего на первое место бедность и аскезу, стало аббатство Сито (1098) на равнине Соны.

Оно притягивало с огромной силой, в том числе благодаря личности святого Бернарда, который обладал в Западной Европе несомненным нравственным и духовным авторитетом. Устав святого Бенедикта там толковали строже, чем в Ключни. Жизнь монахов проходила в уединении, молчании и молитве. Аббатство стало образцом, умножая по Европе «дочерние» обители, среди которых — Клерво, основанное в 1115 году святым Бернардом. К его смерти в 1153 году насчитывалось триста пятьдесят цистерцианских монастырей или монастырей цистерцианского вдохновения. *[обитателей ордена Сито — строгих реформаторов бенедиктинской традиции]*. Такой успех породил соперничество и взаимные «подстёгивания» между ключнийской и цистерцианской формами монашества.

Флёри (Сен-Бенуа-сюр-Луар), Мармутье, Сен-Мор-де-Фоссе, Сен-Виктор, Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре тоже не были забыты григорианской реформой — как и возрождавшееся отшельническое движение: странствующие монахи проповедовали против дурных священников и напоминали требования милосердия и духовной борьбы. Повсюду множились духовные опыты, широко поддержанные светской аристократией. Пылкий проповедник Робер д'Арбриссель, стремившийся подражать Иоанну Крестителю, стоял у истоков Фонтевро. Модем был создан в 1075 году, картезианский орден — около 1114-го, Фонтене — в 1118-м, Премонтре — в 1120-м. *[В XII веке Запад буквально «изобретает» новые формы религиозной жизни, и это меняет и культуру, и образование, и политику.]*

«Несколько местных церковных соборов *[собраний епископов]* под председательством папских легатов *[представителей папы]* собирались, чтобы искоренять симонию *[продажу/покупку церковных должностей и доходов]* и кровосмешение *[браки/связи между близкими родственниками, что Церковь запрещала]*. Они без колебаний смещали с должности или отлучали от Церкви недостойных и упрямых прелатов *[высших церковных начальников: епископов и аббатов]*, требуя вернуть Церкви права, которые захватили светские сеньоры *[князья и феодалы]*. Снова напомнили о правиле: священники должны жить без брака *[церковное безбрачие]*, а брак мирян считается нерасторжимым *[развод как “норма” не признавался]*. Рим подтвердил своё верховенство над епископами и аббатами. Выбор папы, который раньше сильно зависел от императора, передали кардиналам *[высшим духовным лицам Рима]*. А выбор епископов и аббатов стал зависеть уже не от короля, а: епископов — от коллегии каноников *[совета священников при кафедральном соборе]*, аббатов — от

монастырского капитула [*собрания монахов данной обители, которое выбирало настоятеля*].»

Реформа действовала как очищающий огонь, но встречала сопротивление — например, в «споре священства и империи», который называют также «спором об инвеституре»: монархи Священной Римской империи германской нации громко утверждали своё право назначать епископов и аббатов и вручать им посох и кольцо. Папству пришлось с ними тяжело, особенно с императором Генрихом IV, которого Григорий VII низложил на синоде епископов и отлучил от церкви. В январе 1077 года он заставил его три дня ждать босиком, во дворе заснеженного замка графини Матильды Тосканской в Каноссе, прежде чем принять и снять отлучение (отсюда выражение «идти в Каноссу»). Это унижение, впрочем, не помешало императору повторить попытку.

Неожиданным следствием григорианской реформы стало то, что вместе с усилением церковного института богатели епископы и каноники, становясь как никогда прямыми соперниками крупных сеньоров. Это привело к росту епископских сеньорий, которые делили с графами и виконтами регалии [*публичные права: пошлины, суд, монету и т. п.*], строили мощные замки, расширяли власть над деревней. То же делали крупные аббатства и кафедральные капитулы. С этой точки зрения реформа оказалась провалом. [*Парадокс эпохи: «очищение» Церкви порой делает её сильнее — и богаче, а значит, вытягивает в ту же борьбу за власть.*]

Именно в этом контексте проявилось исключительное — и духовное, и интеллектуальное — сияние Парижа, новой столицы знания, куда тянуло образованных иностранцев: итальянцев, немцев, англичан, «левантинцев» [*выходцев из восточного Средиземноморья*]. Поля знания расширялись. Возвращение к диалектическому рассуждению, рациональности и принципам логики — в противовес монастырской традиции, опиравшейся на внутренний опыт, — заложило схоластику и изменило богословский подход. Роль Гильома из Шампо, Гуго Сен-Викторского и особенно Пьера Абеляра была здесь решающей. [*Абеляр — одна из фигур, через которые Европа учится спорить «по правилам разума».*]

Первый крестовый поход

На закрытии Клермонского собора 20 ноября 1095 года Урбан II призвал христиан «принять крест» — то есть поместить на плечо знак креста — и отправиться в Святую землю. Тем, кто пойдёт освободить гроб Христа от мусульманского владычества и вновь открыть дорогу паломничеству, даровали индульгенции. Отпущение получали те, кто отправится туда «единственно из благочестия, а не ради чести или денег», — за грехи, которые они исповедали.

Папское решение было связано не с разрушением Гроба Господня фатимидским каирским халифом аль-Хакимом и первыми гонениями в 1009 году, а с нашествием в 1071-м сельджуков, которые разграбили Иерусалим и обратили христианское население в рабство. Раньше христиан в Палестине терпели как “димми” — то есть разрешали жить под защитой мусульманской власти при условии специального налога — и позволяли спокойно молиться и совершать обряды, лишь бы они не занимались миссионерством и не пытались обращать

других в христианство. Невозможность прийти и помолиться у гроба Христа показалась невыносимой обществу, целиком христианскому, где паломничества были важнейшим проявлением веры.

К этим мрачным событиям добавилось поражение восточного императора Романа IV Диогена 26 августа 1071 года при Манцикерте, к северу от озера Ван. Короче говоря, после раскола 1054 года, отделившего Рим от Константинополя, папе было важно снова закрепиться на Востоке — тем более что византийский император Алексей I Комнин настойчиво просил Запад вмешаться и помочь войсками. [*Это важная «двойная подкладка» призыва: религиозный порыв Запада совпал с просьбой Византии о военной помощи.*]

Сегодня о крестовых походах повторяют множество ошибок. Несомненно, этот призыв к «священной войне» был разрывом с евангельским посланием любви и мира Иисуса. В отличие от Корана, где мединские суры допускают вооружённое насилие против «неверных» и обещают «сады наслаждений» бойцам Аллаха, Новый Завет проповедует во имя Христа религию прощения и ненасилия. Перемена объясняется постепенным «освящением войны», которое папство проводило внутри воинственного общества, тянувшегося к жестоким играм; Церковь, впрочем, пыталась эти игры ритуализовать, чтобы уменьшить вред. Явление усилилось с испанской Реконкистой, начавшейся около 1030 года. В 1086-м, перед новым наступлением альморавидов из Марокко, Урбан призывал франкских рыцарей помочь армиям Кастилии, Арагона и Португалии. Теперь же, в Клермоне, он подчёркивал духовную награду крестоносцев: прийти на помощь угнетённым восточным христианам и оттеснить «пагубный народ» сельджуков — это покаянные дела, которые искупят грехи. Так исламскому джихаду противопоставляли христианскую священную войну. Изначально это было просто паломничество с оружием, массовое движение.

Отклик христианского народа превзошёл ожидания. Народный проповедник Пётр Пустынник поднял энтузиазм простых людей, готовых терпеть страдания и жертвы, чтобы обезопасить путь к Гробу Господню. Этот «крестовый поход бедноты», который вели Пётр Пустынник [*Пётр Пустынник (фр. Pierre l'Ermite) — странствующий проповедник, который после призыва папы Урбана II (1095) разжёг энтузиазм у простых людей и повёл толпы в Святую землю. Его поход часто называют «народным крестовым походом» (или «походом бедноты»): людей было много, но организации, снабжения и дисциплины почти не было*] и некий Вальтер Без Имущества [*Вальтер Без Имущества (фр. Walter Sans-Avoir, в русских книгах ещё встречается “Вальтер Голяк”) — бедный рыцарь/мелкий дворянин, один из руководителей той же ранней волны народного крестового похода. Прозвище «Без имущества» означает буквально: у него не было земель и серьёзного богатства.*], был полностью неорганизованным. Никто не представлял себе огромности пути. Толпы тянулись по деревням. Рассказывают, что пикардские крестьяне, увидев шпиль Лана или Реймса, спрашивали, не Иерусалим ли это. Неконтролируемые банды устроили резню евреев в Руане и в рейнских городах. Большая часть этих крестоносцев была безжалостно перебита турками ещё до прибытия к цели.

Лучше организованный официальный поход, «поход баронов», который вели Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, его брат Балдуин Булонский и Гуго Вермандуа, брат короля франков Филиппа I, назначил пункт сбора в Константинополе на Рождество 1096 года. Идея была поддержать греческие войска и идти на Палестину. Дух Клермона как будто забыли. Говорили уже не о благочестивом паломничестве, не о покаянии и духовной «бедности», а о героизме, славе и добыче. Жажда приключений и мечта о рыцарских подвигах нередко перевешивали религиозные мотивы. Несмотря на распри и столкновения с греками, пали Антиохия, Эдесса, Алеппо. Иерусалим был взят 15 июля 1099 года, и это обернулось ужасающей резнёй. Евреев и мусульман оттуда изгнали. Из скромности Готфрид Бульонский взял титул «защитника Гроба Господня» [*фр. Avoué du Saint-Sépulcre* — светский покровитель/защитник святыни]; его брат надел корону под именем Балдуина I Иерусалимского. В регионе образовались несколько небольших и хрупких государств: княжество Антиохийское, графство Эдесское и графство Триполи. Всего для защиты святых мест организовали восемь крестовых походов.

В русле крестовых походов, но вне привычной западной монастырской жизни [то есть не “обычные” монахи, живущие в обители, а новый тип религиозной организации], в начале XII века появились военные ордена, пытавшиеся соединить молитву и монашескую дисциплину с военной службой. Так возник орден госпитальеров Святого Иоанна [сначала — братство при приюте/госпитале для паломников; позже — знаменитый Мальтийский орден], основанный монахом из Амальфи братом Жераром и утверждённый в 1113 году папой Пасхалием II; его задачей было принимать паломников и заботиться о них. Рядом с ним появился орден Храма — то есть тамплиеры [“храмовники”; названы так из-за жилища при месте, которое в Средние века связывали с Храмом Соломона в Иерусалиме], официально оформленный в 1129 году как «ополчение бедных рыцарей Христа и Храма Соломона», поставившее себе целью охранять паломников на дороге к Иерусалиму. [Интересная деталь: многие историки считают, что орден начал складываться раньше (около 1119), а 1129 год — это момент утверждения устава и признания на большом церковном собрании.]

В составлении устава тамплиеров участвовал Бернар Клервоский [главный духовный авторитет своего времени: он придал идее “рыцаря-монаха” моральный вес]. Так родился новый рыцарский идеал: воин, который служит не только сюзерену, но и делу веры, подчиняясь строгой дисциплине. Растущий успех этих орденов у светской знати [основной “кадровой базы”] позволил им стать защитниками латинских государств Востока. За несколько десятилетий они превратились и в серьёзную финансовую силу: им дарили земли и доходы, а их европейские “дома” — командорства [местные центры ордена: хозяйство, сбор средств, управление имуществом] — покрыли Запад плотной сетью. [Интересный штрих: такая сеть давала орденам не только деньги, но и логистику — людей, лошадей, склады, связи — то есть настоящую “инфраструктуру” эпохи.] Однако уже тогда звучали голоса, обвинявшие их в том, что успех и богатство искажают первоначальный рыцарский дух. [Тамплиеры и госпитальеры — это ещё и «инфраструктура» Европы: дороги, деньги, связи, больницы, хозяйство.]

Экономические перемены XII века

Современные историки единодушны: посткаролингская экономика была динамичной и продолжала более старые линии развития. Сеньориальный порядок лепил сельские ландшафты. Различали фьеф, полученный от сюзерена за службу и под клятву, и аллод [земля «свободная», *формально не связанная феодальной лестницей*], который в принципе выпадал из феодальной системы. На деле сельская сеньория во всех её видах была повсюду и властвовала над всем. Ею владели и светская, и церковная аристократия; она господствовала над массой мелких крестьян. Те пользовались небольшими участками, называвшимися *tenures* (или *coutures*, если речь шла о «резерве» самого господина), которые сеньор предоставлял им в обмен на оброки и трудовые повинности.

Среди крестьянства различали вилланов, то есть свободных людей, и сервов, хотя граница не была абсолютной. Трудно определить крепостное состояние из-за разнообразия форм, которые оно принимало. Это была своего рода «пониженная вассальная зависимость»: серв должен был подчиняться и продавать свою рабочую силу; взамен получал пищу и защиту. При этом зависимость не доходила до «римского» рабства. Сервов считали не вещами из имущества хозяина, а людьми, христианами. Они могли вступать в брак (хотя если делали это вне сеньории, платили сбор, называвшийся *formariage* [*плата за «брак на стороне», который «уводит» человека/труд из владения*]), передавать свой участок детям и т. д.

Эпоху отмечал поразительный экономический подъём, особенно в атлантических областях, долине Луары и Парижском бассейне, где довольно быстро вышли из самообеспечения. Бурная рождаемость, которая привела к росту населения Франции (в нынешних границах) с 6,2 млн в 1100 году до 9 млн в 1200-м и до 19 млн в 1328-м, толкала к улучшению агротехники и сельхозинструментов, к разнообразию культур, что подтверждают недавние археологические находки. Введение плечевого хомута облегчило тягу. Плуг с отвалом, следы которого заметны уже с X века, медленно вытеснял лёгкую соху. В начале XII века традиционную двупольную систему постепенно сменяла трёхпольная — яровые (овёс), озимые (пшеница или рожь) и пар. При этом урожайность оставалась низкой. Жали ещё серпом.

Водяная мельница, уже известная в крупных монастырских сеньориях, распространялась по деревне с X века; двумя веками позже за ней последовала ветряная. Широкое использование кулачкового вала [*arbre à cames — механизм, превращающий вращение в возвратно-поступательное движение*] дало множество промышленных и ремесленных применений. По берегам рек росло число рыболовных хозяйств; усиливалось сеньориальное судоходство, перевозившее зерно, вино или соль. Строили дороги, мосты, печи. Чтобы справиться с ростом потребления [*людей стало больше — нужно больше еды и сырья*], сельские владения расселяли новых крестьян на **essarts** [*участки, расчищенные под пашню: лес вырубил, корчевали пни — и сделали поле*], «отвоёванные» у высокоствольных лесов [*старых, густых лесов*], редколесья [*леса, где деревьев мало*], пустошей [*заброшенных, неплодородных земель*] и польдеров [*земель, отнятых у воды и осушенных дамбами и канавами*], продолжая тем самым прежние большие волны освоения и расчистки земель [*то есть это была не разовая акция, а длительный процесс расширения пашни*].

Несмотря на местные рынки, сельская экономика мало «денежилась»: оброки чаще платили натурой. Не стоит рисовать идиллию. Местами хозяйственные равновесия постоянно подтачивали небезопасность, ежедневные насилия, войны и частные мести. Простые люди и бродяги, измождённые голодом, жили в страхе быть ограбленными и убитыми.

Сельская экономика оставалась очень хрупкой и зависела от климата. Весенние или летние дожди иногда оказывались катастрофическими. «Голодные месяцы» в ожидании нового урожая часто были тяжёлыми, а порой и драматическими. Угрожала нужда. В самые острые моменты бедняки бросались на коренья, жёлуди и падаль, что приносило лихорадку, дизентерию и смерть. В XI веке насчитали до шестидесяти голодов; в следующем веке они стали реже. Рауль Глабер, говоря о бургундском голоде 1033 года, упоминает случаи людоедства; по его словам, путников убивали, расчленяли, варили на огне и съедали. Дети тоже не становились исключением, и даже тела умерших эксгумировали, чтобы утолить голод.

Рост городов

В начале XI века сработала простая демографическая логика: молодых людей стало слишком много, а земли и занятий в деревне на всех уже не хватало. Поэтому часть населения начала уходить в поселения — туда, где можно было заработать ремеслом, торговлей или службой. Рост городов объяснялся ещё и тем, что сельское хозяйство стало давать **излишки**, которые нужно было **продавать и обменивать**, а не просто потреблять на месте.

Сначала повсюду множились **bourgs** [*торгово-ремесленные посады/посёлки; “новые” кварталы у монастыря, замка или на перекрёстке дорог, где жили ремесленники и торговцы*] — места обмена сельхозпродуктов и деревенских ремёсел. Затем росли речные порты [*река — главный “транспорт” эпохи: по воде везти дешевле и надёжнее, чем по разбитым дорогам*]. Наконец, рядом с епископскими городами и старыми центрами, где уже существовали сеньориальные склады, амбары и монастырские погреба, возникла сеть новых укреплённых городков — “замковых” или церковных: **sauvetés, bastides, villeneuves, castelnaux** [*разные типы новых поселений; часто с планом “по линейке”, улицами и площадью — чтобы легче было селить людей, собирать налоги и обороняться*]. Иногда их основание прямо поощряли герцоги и князья [*новый город = новые доходы и опора власти на месте*].

Население некоторых городов буквально взлетало. Так, Сен-Омер за столетие утроил число жителей и, по некоторым оценкам, достиг примерно 13 тысяч к 1200 году — больше, чем Реймс (около 10 тысяч), но меньше, чем Руан (около 18 тысяч). Повсюду строили дворцы, приюты, церкви, госпитали и новые городские стены, включавшие уже и пригороды. Поскольку большинство домов было деревянным или из самана [*глина с соломой; дешево, но горит легко*], пожары случались часто. Каменное строительство стало распространяться с XII века, по примеру старых южных городов — наследников галло-римской традиции [*на юге римское “каменное” наследие держалось прочнее*].

Париж особенно изменился после знаменитой осады 885 года [*осада викингами 885–886 годов — один из моментов, когда Париж начинает ощущаться как ключевой “узел” королевства*]. Город разросся на правом берегу: бурги Сен-Жермен-л’Осерруа, Сен-Мерри и Сен-Жерве. За первой оградой конца XI века находились предместье Сен-Николя-де-Шан, Бо-Бур, Бург-л’Аббе и бург Сен-Мартен-де-Шан, предместье Сен-Поль. На левом берегу важнейшими точками были аббатство Сен-Жермен-де-Пре, аббатство Сен-Виктор и бург Сент-Женевьев на одноимённом холме. [*В дальнейшем этот левый берег станет “землёй школ” и учёных: именно там позже окрепнет университетская среда.*]

Первые романские кафедральные соборы X–XI веков в XII–XIII веках перестраивали или заменяли готическими: Санс, Лан, Реймс, Бове, Нуайон, Сен-Омер, Орлеан, Руан, Амьен, Париж, Лион, Клермон, Шартр, Байё, Лизьё, Осер, Пуатье, Анже, Мо и многие другие. Большие аббатские церкви сопровождали этот подъём: Сен-Дени, Сен-Реми, Сен-Жермен-де-Пре, а также городские коллегиальные церкви Манта, Пуасси, Этампа и т. п. После “белого плаща” сельских храмов в небо взметнулись высокие нефы каменных соборов светлого камня и их устремлённые шпили; на севере они соперничали с мощными беффруа [*городскими башнями-колокольнями, символами городской гордости и самостоятельности*]. Эти шедевры на века сформировали пейзаж “милой Франции”. Тогда вся Европа говорила об “искусстве Франции” [*готика воспринималась как стиль, пришедший именно отсюда*].

Город — это всегда смешение социальных слоёв. Возникали и процветали мелкая торговля и ремёсла: мясники, ткачи, торговцы мелочным товаром, суконщики, валяльщики, стригали, красильщики, кузнецы, тележники, ювелиры, менялы. Спрос рос, потому что светская и церковная аристократия тянулась к роскоши: изысканным блюдам и винам, красивой посуде и украшениям, богатым сукнам и тканям, дорогому оружию. Отсюда — рост ремёсел и появление технических новшеств в кухне, в одежде и в строительстве. Выигрывала даже международная торговля специями и редкими товарами. К традиционным ярмаркам Фландрии прибавились шампанские ярмарки уже с X–XI веков (Труа, Бар-сюр-Об, Ланьи, Провен) — настоящие “перевалочные пункты” между севером и северной Италией, к большой выгоде людей денег: банкиров, менял и ростовщиков. [*Можно сказать и так: ярмарки стали “мотором” денежной экономики — там встречались товар, деньги, кредит и информация.*]

Итак, на рубеже XI–XII веков пространство как будто “раздвигалось”: дороги оживлялись, обмен усиливался, письменность распространялась, а коллективные освобождения сервов [*освобождение зависимых крестьян от личной зависимости — часто за выкуп или по условиям хартии*] сопровождали экономическое “распускание почек” [*экономика оживает, как весной*]. Трёхфункциональная схема, сформулированная в конце X века Аббоном из Флёри и Адальбероном Ланским — “священник молится, сеньор воюет, крестьянин производит; эти три части дома Божьего сосуществуют и не терпят разделения” — уже начинала рушиться под натиском общества более разнообразного и более подвижного, чем принято думать. И всё же эта схема продолжала жить в политико-правовом языке вплоть до Революции. [*То есть реальность менялась быстрее, чем слова и “рамки”, которыми общество описывало само себя.*]

Глава 4. Пробуждение капетингской монархии (1108–1180)

Универсальная миссия?

Стремясь укрепить легитимность капетингской династии, придворные советники поняли, что необходимо выработать «основополагающий миф» — и целую систему образов и представлений, которые укореняли бы королевскую линию во франкской памяти. Этот миф о «великих предках», призванный мобилизовать силы, действительно возвращается в каждый важный период нашей истории. Уже в своё время Григорий Турский — историк Хлодвига, — и Гинкмар Реймский — историк святого Ремигия — приукрашивали сагу о франкских королях. Затем, ближе к концу X века, церковные историографы, близкие к Капетингам, — такие как Рихер, монах аббатства Сен-Реми в Реймсе, или Эммон, аббат Флёри, — сверяя, собирая и компилируя тексты своих предшественников и постоянно «обновляя» их в скриптории своего монастыря, не ограничились тем, что вписали власть своих хозяев в меровингскую и каролингскую преемственность. Они пошли дальше: они даже приняли утверждения «Хроники Псевдо-Фредегара» (VII век), согласно которым франки происходили от троянцев — в частности, от совершенно легендарного Франкиона, сына Фриги, основателя обширного царства между Рейном и Дунаем. *[Подобные «троянские» генеалогии были очень распространены в средневековой Европе — это способ «вписать» свой народ в престижную античную историю.]*

Эти авторы также примкнули к мысли (встречающейся у некоторых каролингских хронистов), что Бог поручил франкской королевской власти — как наследнице, через помазание своих королей, ветхозаветных государей — высшую миссию: защищать латинское христианство. Франки, таким образом, становились новым «избранным народом». Все эти тексты войдут позднее в состав «Больших французских хроник», которые начнут записывать в аббатстве Сен-Дени с 1274 года. И пренебрегать ими не стоит: они сильно способствовали формированию первого общего представления французов о себе.

«Предприятие по манипуляции», — говорят сегодня некоторые историки-«деконструкторы» национального романа, утверждает, например, Сюзанна Ситрон. Вероятно. Но нужно понимать: мифы-основания обладают абсолютной мемориальной полезностью — они собирают народы и помогают им осознать свою историческую идентичность. Чтобы «выковать» нацию, прежде всего ищут корни. И тогда возникает необходимость построить историю, связанную «цепью времён», — с одним или несколькими назидательными рассказами в основании. Неважно, истинны они или вымышлены.

Здесь появляется ещё один из наших пяти «оснований»: идея государства, будто бы predisposed к универсализму и убеждённого, что оно несёт человечеству некое послание. Сначала это будет «факел католичества», как бы вырванный у германских императорских династий — Оттонов и Франконской¹, — которые тоже мечтали установить

универсальное христианское правление. Именно это уже утверждал папа Урбан II, проповедуя Первый крестовый поход: «Более чем какой-либо иной нации Бог даровал вам славу оружия... вы — глашатаи Христа». Чуть позже монах Гибер Ножанский назвал свой рассказ о Первом крестовом походе *Gesta Dei per Francos* («Деяния Бога [совершаются] через франков»). Тема, отзвук которой мы услышим и через семь веков — в речи Иоанна Павла II в Ле-Бурже 1 июня 1980 года: «Франция, старшая дочь Церкви и воспитательница народов, верна ли ты, ради блага человека, союзу с вечной мудростью?.. Франция, что ты сделала с обещаниями своего крещения?» Затем на первый план выйдут идеи свободы, равенства и братства. Французская революция и Республика секуляризуют эту «универсальную и цивилизаторскую миссию», но не уничтожат её. *[Смысл «универсализма страны» у автора — в идее, что государство считает себя носителем послания, важного не только “для себя”, но и для всего мира, и поэтому ощущает за собой право/обязанность выходить за рамки частных интересов.]*

Правление Людовика VI Толстого (1108–1137)

О жизни Людовика Толстого известно больше, чем о его предшественниках, — в частности, благодаря подробной биографии, написанной его верным Сугерием, аббатом Сен-Дени, главным советником короля. Высокий ростом, тучный, как и его отец Филипп I, с бледным лицом, он был фигурой яркой и легко узнаваемой: храбрый и неутомимый рыцарь, задиристый воин, «исправитель несправедливостей», жадный до воинских подвигов. Чувственный, корыстный, он при этом был по-настоящему добр, с острым чувством справедливости, уважал права Церкви и — что для монарха считалось выдающимся качеством — был крайне упорен. В первые годы своего двадцатидевятилетнего правления он, обливаясь потом на коне, переходил от осады к осаде, от дерзкого набега к внезапной вылазке, шёл на приступ стен под дождём арбалетных болтов (коротких стрел), пировал и пил как весёлый товарищ, подшучивал как «задержавшийся в детстве» мальчишка — и при этом был очень привязан к королевскому величию и к своему званию «короля страны франков». В таком бешеном темпе неудивительно, что этот смелый рубака, отяжелевший от излишеств в еде, был вынужден отказаться от верховой езды уже в сорок шесть лет.

История запомнила его тем, что он настойчиво продолжал политику «умиротворения» королевского домена, который, по словам Сугерия, «превратился в настоящий ад, утыканный неприступными донжонами — логовами неисправимых баронов». За своими массивными замковыми насыпями — на севере Куси, Даммартен, Монморанси; на юге Шеврёз, Рошфор, Шатофор, Корбей и Монлери — мстительные виконты, злобные кастеляны и прочие хищные «пиявки» сеяли страх разорениями и грабежами: без стыда обирали крестьян и обкрадывали купцов. Одержимый желанием их усмирить, Людовик VI без передышки боролся за восстановление права, справедливости и власти на землях, которые были его собственными, защищая церкви и бедных; он не колебался даже перед столкновением со своим сводным братом Филиппом де Мант, который то запирался в замке Мант, то в Монлери. Из этих «вельмож-разбойников» самыми упорными были Гуго де Пюизе, виконт Шартра (ещё противник его отца), и Тома де Марль, сеньор Куси — «жестокий и бешеный волк», по словам

Сугерия. Упорство короля окупилось: он в конце концов стал хозяином своего домена, который тем самым усилился.

Однако его сюзеренитет над княжествами, которыми управляли династии крупных баронов (а Нормандией — король Англии), оставался чисто теоретическим — даже если он внимательно следил за тем, чтобы ему приносили феодальную присягу-оммаж. Вступая на престол, он был глубоко раздосадован тем, что герцог Нормандии, герцог Аквитании (граф Пуатье), герцог Бургундии и некоторые другие уклонились от этого. Феодальное общество, основанное на родственных и вассальных связях, не позволяло ему утвердить власть над всеми подданными королевства. И как только он пытался вмешиваться во внутренние дела своих прямых вассалов (например, при наследованиях или по жалобам подвассалов), он сразу встречал яростное сопротивление и терпел болезненные неудачи. Так, 20 августа 1119 года при Бремюле (в Вексене, неподалёку от Нуайона) он был разбит Генрихом I Боклерком, королём Англии и герцогом Нормандии, сыном Вильгельма Завоевателя. Униженный, вынужденный бежать без боевого коня и без знамени, он жалко блуждал по лесу Мюсседро, прежде чем добраться до своей крепости в Андели. В той битве, где сошлись девятьсот рыцарей, он едва не попал в плен. «Король взят!» — радостно закричал тот, кто схватил его за кольчугу, но Людовик вырвался, обрушив на него яростный удар булавой: «Короля не берут — ни на войне, ни в шахматах!» Благородная реплика, безусловно. Но факт остаётся фактом: после поражения король был вынужден пойти на унижительные уступки — признать за своим самым опасным вассалом, нормандским герцогом (который одновременно был королём Англии), верховные права (*сюзеренитет*) над Мэном и Бретанью [*то есть согласиться, что эти земли “сверху” считаются зависимыми не от него, а от нормандского правителя*], а также скрепить новую политическую конфигурацию династическим браком — выдать дочь Матильду за анжуйского наследника Жоффруа Мартеля [*то есть заключить союз с домом Анжу через свадьбу*].

[*Короткая справка для ясности: Мэн — область между Нормандией и Анжу (стратегически важная «перемычка»), Бретань — западное герцогство (Британь). В феодальной логике “уступить сюзеренитет” = признать, кто там главный «старший хозяин» в иерархии.*]

[*«Короля не берут... ни в шахматах» — игра слов: во французском prendre le roi означает и «взять короля в плен», и «взять короля» в шахматах (в реальной партии короля не «берут», а ставят мат).*]

Другим способом противостоять центробежным силам было использовать в своих интересах движение городского освобождения, основанное на стремлении горожан-буржуа к свободе и желании выйти из-под сеньориального произвола. [*Слово “буржуа” происходит от bourg — “город/посад”; это именно “городские жители”, а не “буржуазия” XIX века.*] Он щедро выдавал хартии, покровительствовал городским элитам, организованным в «клятвенные общины» (*communitio* или *conjuratio*), хотя — реже — в пределах собственного домена. В Лане, несмотря на его поддержку, движение выродилось в мятеж против епископа Годри, противника хартии: его убили, вытащив из бочки, где он спрятался. Впрочем, этот жадный и жестокий аристократ

и сам не был «святым»: незадолго до этого он велел убить своего соправителя Жерара де Кьерси, королевского капеллана в Лане, — прямо во время молитвы в кафедральном соборе.

[Лан (Laon) — город, где епископ был не только духовным лицом, но и фактическим «городским сеньором» (держателем власти и доходов). Поэтому спор о «хартии» был не абстрактным: он упирался в деньги, суд и управление.

«Хартия» здесь — городская хартия (соттип): документ, который закреплял элементы самоуправления горожан и ограничивал произвол сеньора. Часто такие хартию буквально выкупали за крупную сумму.

Годри (его также называют Вальдрик/Гаудри) был фигурой скандальной репутации; современники приписывали ему вымогательства и интриги. Он стал широко известен тем, что добился отмены городской «коммуны», заплатив королю за аннулирование хартии — то есть, по сути, «откатил назад» уже купленную горожанами свободу. Это и взорвало ситуацию.]

Людовик действовал прагматично, пользуясь любой возможностью. Его постоянная поддержка папства (боровшегося с германскими императорами), а также монастырей Сито, Премонтре и Фонтевро не мешала ему при каждом удобном случае утверждать первенство королевского правосудия над церковным. Очень ревнивый к своим правам, он упорно отказывался подчинять архиепископство Санса власти — пусть даже символической — «примаса Галлии», который жил вне его владений: «Я предпочёл бы увидеть своё королевство в огне и самого себя обречённым на смерть, чем вынести оскорбление — подчинение Церкви Санса Церкви Лиона», — писал он папе Каликсту II. [*«примас Галлии» — это почётный титул архиепископа Лиона (Лугдунума), древней церковной «столицы» римской Галлии. Формально речь шла даже не столько о прямом управлении, сколько о преимуществе старшинства (чья кафедра «главнее», кто председательствует, куда могут уходить апелляции и т. п.). Но для короля это было принципиально: архиепископство Санса — ключевая митрополия в самом сердце королевских земель (в её церковную провинцию тогда входил и Париж). Если признать над Сансом «старшинство» Лиона, то получится, что над церковью в ядре королевства символически стоит прелат, живущий вне королевской власти (Лион в XII веке фактически находился в иной политической орбите). Поэтому резкая фраза Людовика — это не про богословие, а про суверенитет: он не хотел даже намёка на «внешнюю» юрисдикцию над своей главной церковной опорой.]*

При нём совершенствовалась центральная администрация: появляются прево (королевские управители), которые отправляли суд, собирали налоги и при необходимости созывали «ост» — феодальное войско/ополчение. Королевский совет, где лучшие места занимали клирики и крупные бароны, расширился и за счёт мелких дворян, и за счёт горожан. Но до «государствования» — центральной опоры современной Франции — было ещё очень и очень далеко. Вассальная система сохранялась. И если вслед за Марком Блоком признать, что за идеей королевского правосудия уже начинало проступать государство, то оно было лишь зародышем, во многом «поглощённым» феодальным спрутом. В этом государстве без

полноценного суверенитета монарх с трудом добивался признания своей власти над княжествами.

«Монжуа, Сен-Дени!»

В интеллектуальном кипении первой половины XII века развивались и теоретические размышления. Мудрый Сугерий — большой учёный и книжник — рассуждал об *imperium* (верховой власти) и о королевском достоинстве. С ним намечается идея «двойного тела короля», которую в XX веке сформулирует историк Эрнст Канторович: тело смертное и тело политическое — вечное, составляющее само королевство, которое отождествляли с Коронай или с Законом. «Королю не пристало нарушать закон, — говорил он, — ибо король и закон принадлежат одной и той же величественности в повелении».

[в Средние века это подводило к мысли: личность короля может быть слабой, но “Корона” как институт — непрерывна.]

Дополняя эту идеологическую конструкцию, аббат Сен-Дени настаивал: капетингское королевство должно мыслиться как продолжение каролингской традиции (она повсюду в *chansons de geste* — «песнях о деяниях», особенно в «Песни о Роланде» конца XI века). По одному тёмному месту у Гибера Ножанского, именно при Людовике VI (или, возможно, при его отце Филиппе I) усилилась церковная, сакральная сторона королевской власти: Капетингов стали представлять как королей-чудотворцев, которым приписывали дар — якобы восходящий к малоизвестному проповеднику Котантена VI века святому Маркулю — исцелять больных туберкулёзным воспалением лимфоузлов.

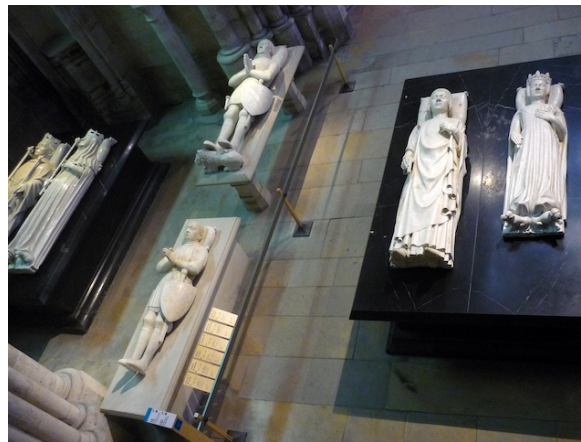
[Это то, что в историографии называют “королевским прикосновением” — ритуалом исцеления золотухи/скрофулёза.]

Новый обряд был связан с паломничеством в приорат Корбени близ Лана, где хранились мощи святого. На следующий день после коронации король совершал «прикосновение к золотушным» над сотнями больных — часто бедняков, жалких, босых, в лохмотьях, пришедших со всей Франции и даже издалека, выстроенных в парке Сен-Реми в Реймсе. Он касался их лба и произносил формулу: «Король тебя касается — Бог тебя исцеляет». Этот народный церемониал, который вначале вызывал множество возражений у клириков, продержится до правления Людовика XVI. Короли Франции хотели выглядеть избранниками Бога и «исцеляющими государями» — как показал Марк Блок в своём исследовании «Короли-чудотворцы» (1924).

Сугерий, очень любивший пышность и торжественность, понимал: чтобы усилить престиж королевского института, нужно подчёркивать сакральную тайну и монархическую литургию — отсюда частые «увенчанные дворы», когда архиепископ время от времени вновь возлагал на голову государя диадему. С той же целью он выделял культ святого Дионисия, считавшегося покровителем династии (разумеется, он «проповедовал за свой приход»). Его

аббатство — Сен-Дени, которым он руководил, — уже было некрополем Меровингов («добрый король Дагоберт» был похоронен там первым) и Каролингов (с заметными исключениями, например Филипп I, считавший себя слишком грешным, пожелал быть погребённым в монастыре Сен-Бенуа-сюр-Луар, вдали от тела великого святого).

[Аббатство Сен-Дени как монастырь (монашеская община) в прежнем виде не действует. Зато аббатская церковь сохранилась: это нынешняя *Basilique-cathédrale Saint-Denis* (базилика-собор Сен-Дени) — бывшая аббатская церковь, кафедральный собор с 1966 года, и именно в ней находится королевский некрополь Франции.]

Знамя святого Дионисия, взятое у графов Вексена, нарочно смешали (отождествили) со знаменем Карла Великого — и на поле боя его приветствовали рыцарскими криками: «Монжуа, Сен-Дени!» Так, в геополитике королевства Людовика VI выделились три символические точки: Сен-Дени (некрополь, вскоре — хранитель королевских регалий), Реймс (город коронации) и Париж (столица), где капетингская монархия, долго остававшаяся странствующей, начала понемногу закрепляться.

Regnum Franciae (Королевство Франции)

При Людовике VI *Francia occidentalis* — *Regnum Francorum* («королевство франков») — стали называть *Regnum Franciae*, «королевство Франции». Можно ли увидеть здесь зарождение национального чувства, выходящего за рамки региональных идентичностей, если в 1124 году отряды со всех провинций, по призыву короля, вынудили императора Священной Римской империи Генриха V повернуть назад? Желая помочь своему английскому тестю Генриху Боклерку, Генрих V (присвоивший себе мечту о каролингской гегемонии) двинулся на Париж. Королевское войско, созданное в спешке, пополнилось силами герцога Бургундии и графов Блуа, Шампани, Фландрии, Вермандуа и Невера. Как отмечал историк Оливье Гийо, рыцари в добром и красивом вооружении, пешие, городские ополчения, поспешно поднятые городами, замками и религиозными учреждениями Фландрии, Анжу, Бургундии и даже далёкой Аквитании, мобилизовались сверх обычных вассальных повинностей и ответили на «заклятие Франции» против «наступления тевтонов». В окрестностях Реймса шлемы и

кольчуги, собранные под красным знаменем святого Дионисия, которое сам Людовик VI поднял, сверкали под августовским солнцем. Но враг не осмелился появиться: эта «всеобщая мобилизация» сработала как сила сдерживания, и германский монарх, не будучи уверен в исходе боя, развернулся.

Итак, во Франции того времени обозначились три большие зоны влияния: ещё сравнительно небольшой капетингский домен; нормандско-анжуйские княжества; и обширное герцогство Аквитания, простиравшееся от Луары до Пиренеев и от Атлантики до Северна. Этот последний мир, окрашенный южной культурой, развивался иначе: там сложилось изысканное общество с заметным городским преобладанием. Смерть 9 апреля 1137 года, по пути в Компостелу, последнего представителя герцогского дома — Гильома X — изменит ли расклад? Он поручил своему далёкому сюзерену защиту старшей дочери и наследницы — «весьма благородной девицы по имени Алиенора, дабы женить её и передать ему всю свою землю, чтобы он держал её под охраной». Подарок судьбы. Людовик VI, не колеблясь, взял её за своего старшего сына Людовика Молодого, уверенный, что после него сказочное ожерелье жемчуга этой милой дамы — Гиень, Пуату, сюзеренитет над Онисом, Сентонжем, Перигором, Маршем и Оверньё — украсит королевский домен. Какая месть за то, что почти тридцать лет назад, при вступлении на престол, ему отказали в оммаже именно этот же герцог Аквитании!

[Гильом X умер 9 апреля 1137 года во время паломничества в Сантьяго-де-Компостела. И главное: у него не осталось взрослого мужского наследника, поэтому наследницей стала дочь Алиенора — то есть «ключ» от Аквитании внезапно оказался у подростка-наследницы. Гильом X назначил короля Людовика VI опекуном Алиеноры, чтобы:

- защитить наследницу и наследство,
- быстро найти “правильного” мужа, потому что похищение богатой наследницы ради принудительного брака в то время считалось вполне реальным сценарием.

Пикантная деталь: в биографической традиции подчёркивают, что смерть герцога старались не разглашать сразу, пока не уведомят короля-опекуна — именно чтобы не спровоцировать охоту на наследницу.

Людовик VI действовал молниеносно: 25 июля 1137 Алиенора вышла замуж за его сына (будущего Людовика VII) в Бордо, в кафедральном соборе Сен-Андре. Сразу после свадьбы их провозгласили герцогом и герцогиней Аквитании.

Но важнейшая «юридическая соль» (её часто упускают):

- Аквитания не “влилась” автоматически во Францию. По брачному соглашению она оставалась владением Алиеноры и должна была стать по-настоящему коронной только когда их общий старший сын унаследует и корону, и герцогство.

То есть король получил шанс «приручить» гигантскую Аквитанию через династию, но без гарантий: если брачный союз развалится — всё уплывёт.]

«Оммаж» — это публичное признание: вассал приходит и подтверждает, что он «человек» своего сюзерена. Когда при восшествии Людовика VI герцог Аквитании не сделал оммаж, это выглядело как демонстрация независимости и унижение королевского престижа (особенно на фоне слабости домена). Теперь же король фактически говорил: “Раз вы не пришли ко мне с

оммажем — я возьму вашу землю через династический ход”. (Это и есть авторская «мсть» — символическая и политическая.)

Ещё две «пикантные» детали, которые делают эпизод объёмнее

- Скорость событий ошеломляющая: герцог умер 9 апреля, свадьба — 25 июля, а сам Людовик VI умер 1 августа 1137, то есть буквально через неделю после свадьбы.
- По популярной традиции король прислал к Алиеноре большой вооружённый эскорт (говорят — около 500 человек), чтобы сопроводить её и исключить похищение на дороге.
- И совсем «киношный» штрих: Алиенора подарила Людовику вазу из горного хрусталя, которую он через Сугерия связал с Сен-Дени; этот предмет считается единственным дошедшим артефактом, прямо связанным с Алиенорой, и он находится в Лувре.]

Робкий упрямец

Свадьба состоялась в воскресенье 25 июля 1137 года в высокой и прекрасной кафедральной церкви святого Иоанна в Бордо, в анжуйской готике (позднее изменённой). [Брак по большинству источников состоялся в высокой и прекрасной кафедральной церкви Бордо — соборе Св. Андрея] Ей было тринадцать, ему — шестнадцать. Это был невероятный союз «языка ок» и «языка ойль», неожиданная встреча культур трубадуров и труверов, соединение земель обычного права и писаного права, красной черепицы и сланца. Неделю спустя, в Париже, Людовик VI умер. Людовик Молодой унаследовал престол под именем Людовика VII.

[1] «Язык ок» и «язык ойль»

Это два больших языковых мира средневековой Франции:

- «язык ок» (*langue d'oc*) — юг Франции. Название от слова *oc* = «да». Это то, что мы обычно называем окситанским (провансальские и близкие говоры).
- «язык ойль» (*langue d'oïl*) — север Франции. Название от слова *oïl* = «да» (позже из него выросло современное *oui*). Из этого северного массива постепенно сформировался французский язык в привычном смысле.

То есть автор говорит: это брак между двумя лингвистическими зонами.

[В квадратных скобках можно так: [«ок» и «ойль» — разные слова “да”, по которым условно делили юг и север Франции.]]

2) «Культуры трубадуров и труверов»

Это снова Юг vs Север, но уже по поэзии и двору:

- Трубадуры — поэты/певцы юга (окситанская традиция). Их «фирменная тема» — куртуазная любовь (*fīn'amor*), утончённый двор.
- Труверы — северные поэты (на *langue d'oïl*). Они тоже писали о любви и героике, но в другом стиле и на другом языке.

Автор намекает: Алиенора выросла в южной дворцовой среде, где трубадуры — часть жизни, а Парижский двор был другим.

3) «Земли обычного права и писаного права»

Это уже про юридическую традицию:

- *Земли обычного права (droit coutumier) — в основном север: право держится на обычаях, местных традициях, судебной практике, «так заведено».*
- *Земли писаного права (droit écrit) — в основном юг: сильнее влияние римского права, где многое опирается на тексты/кодифицированные нормы.*

Это не означает, что на севере «не писали законов», а на юге «не было обычая». Это скорее доминирующая модель.

4) «Красной черепицы и сланца»

Это образная, почти «киношная» география:

- *Юг Франции традиционно ассоциируется с красной терракотовой черепицей (глина, солнце, средиземноморский стиль).*
- *Север и запад чаще — с сланцевой (шиферной) кровлей: тёмные пластинки камня, другой климат, другая архитектура.*

Автор делает финальный штрих: даже крыши у них «разные», то есть разная среда, вкус, климат, материальная культура]

Он был мягок, робок, приятен в обращении, очень благочестив и безупречен нравственно, но ему не хватало энергии и харизмы. Однако он сделал разумный шаг: отстранил от власти мать — Аделаиду Савойскую — и её интригующую родню, оставив аббата Сугерия главным советником (знак того, что он намерен продолжать политику отца): укоренять власть на твёрдо феодальной основе, защищать Святую Церковь от разбойников, требовать подчинения сеньоров королевского домена [*то есть феодалов, владения которых находились внутри земель, управляемых королём напрямую; здесь король выступал не “первым среди равных”, а непосредственным хозяином и судьёй*], а также оммага [*церемонии признания себя вассалом: личная присяга верности и признание короля своим сюзереном*] и службы «оста» [*от фр. host/ost — феодальное ополчение: обязанность явиться по призыву короля на военную службу со своими людьми и снаряжением на установленный срок*] от своих вассалов [*то есть от князей и баронов, которые формально считались его подданными по феодальной лестнице, даже если фактически были очень самостоятельны*]. Таков был лучший способ укрепить королевскую власть и её «регальные» функции (то есть собственно государственные права монарха).

В этом ключе он продолжил политику «откусывания по кусочку» у крупных княжеств, опираясь на притесняемых кастелянов — в частности, на некоторых вассалов далёкого графа Тулузы, которые тянулись к королю, чтобы перейти под его прямую власть и повысить свой престиж, став его «лигами» (лично связанными людьми). Оставаясь ещё внутри феодального порядка, капетингская монархия постепенно вводила тонкую «диалектику подрыва» — во имя высшей справедливости и общего блага королевства: под королевским сюзеренитетом начинал проступать суверенитет.

Катастрофа Второго крестового похода (1147–1149)

Накануне Рождества 1144 года, во имя джихада, Зенги — атабек Мосула и Алеппо — отбил у христиан город Эдессу (нынешняя Урфа в Турции), создав прямую угрозу Иерусалимскому королевству. Два года спустя Людовик VII объявил о своём участии в крестовом походе. Вероятно, его подтолкнули два события. В январе 1143 года, во время войны с Тибо Шампанским, его армия при осаде Витри-ан-Пертуа сожгла заживо полторы тысячи человек в церкви этого городка — Людовик VII был потрясён. Вскоре затем конфликт с папством разгорелся из-за назначения архиепископа Буржа. По неосторожности король поклялся на мощах святых, что никогда не признает «римского» кандидата, но затем всё же отступил, став в глазах всех клятвопреступником — грехом чрезвычайной тяжести в обществе, где слово воспринималось как священное. Итак, чтобы искупить вину, «старший сын Церкви» принял крест.

Эта вторая экспедиция на Восток, встреченная папством без особого энтузиазма, получила самого страстного проповедника в лице Бернара Клервоского. Французское рыцарство вновь начистило оружие и доспехи. Людовик выступил в поход, оставив регентство нескольким сановникам, среди которых был и любимый аббат Сугерий. Умелый и примиряющий, этот хилый на вид, но очень умный человек оказался в отсутствие короля способным управленцем.

Если в Первом крестовом походе не участвовал ни один монарх, то Второй — с Людовиком VII и Конрадом III Германским — показывал возвращение государей и «национальных армий» на передний план политики. Поход длился два года (1147–1149) и закончился тяжёлым провалом. К распре двух западных государей добавились стычки между франками и немцами, враждебность греков к западным паломникам, беспорядочные амбиции князей маленьких христианских государств, турецкие засады (в одной из них Людовик чуть не погиб, с мечом в руке, под числом нападавших), предательство «латинян Сирии», а вдобавок — семейные беды короля.

[Кульминацией провала обычно считают неудачную осаду Дамаска в 1148 году; автор здесь перечисляет причины “пакетом”.]

Людовик любил королеву Алиенору ревливой и «неумеренной» любовью (как говорил английский хронист Иоанн Солсберийский), но, по-видимому, взаимности не получал. Если верить свидетелю — Ришару Пуатевинцу, — эта молодая женщина сияющей красоты, воспитанная в мягкости южной культуры, окситанской лирики и *fin'amor* (куртуазной любви), которую она хотела бы привить Парижу, была «сладострастной и утончённой». Взял ли её с собой в поход её набожный муж — с почти монашеским благочестием — из-за её легкомыслия или потому что не мог без неё жить? Как бы то ни было, это сыграло против него. В марте 1148 года в Антиохии королева задержалась дольше, чем следовало, у правителя тех мест — своего дяди Раймона Аквитанского, прославленного как доблестный рыцарь. Их близость, их разговоры наедине стали предметом пересудов в шатрах. Не поддаваясь поздней легенде о «распутной Мессалине», но судя по единственным рассказам эпохи, её последний биограф Жан Флори считает измену весьма вероятной. Эта кокетливая «чародейка» и правда

была внучкой Гильома IX Аквитанского — поэта-трубадура, любителя эротических песен, известного своими выходками и любовными приключениями.

Разрыв с Алиенорой

Пренебрегая условностями, гордая Алиенора захотела остаться в Антиохии, решив добиться аннулирования брака. Людовик — по совету Сугерия, с которым поддерживал переписку, — заставил её следовать за ним в Иерусалим, а затем вернуться во Францию, отложив разрыв. На обратном пути в Фраскати папа Стефан III попытался примирить супругов — но ненадолго. В 1152 году король решился добиться расторжения брака собором в Божанси — по причине кровного родства (этот довод приводила и она). Другая причина была куда практичнее: Людовик тревожился, что Алиенора, родившая ему лишь двух дочерей, не сможет дать наследника-мужчину. В тот момент Сугерий, который, возможно, удержал бы его от крайности, уже умер.

Едва прошло два месяца — и 18 мая 1152 года пылкая королева вышла замуж за самого могущественного сеньора двора — Генриха II Плантагенета, на девять лет моложе, — и принесла ему сказочное приданое. Что значило теперь, что они были родственниками в пятой степени²! Эта гордая, деятельная женщина с сильным характером, если бы и хотела отомстить, не поступила бы иначе. Самое тяжёлое заключалось в том, что этот брак был заключён без согласия короля, сюзерена её нового мужа.

Происходя из рода Фульков, графов Анжу, Плантагенеты благодаря удачным бракам заметно «округлили» свои владения. Отец Генриха II, Жоффруа, добавил к отцовскому наследству (графство Анжу и часть земель в Турени) графство Мэн, доставшееся по матери; затем, женившись на Матильде — дочери Генриха I Боклерка, короля Англии, — он прибрал к рукам Нормандию. В следующем поколении брак Генриха II с Алиенорой стал мастерским ходом: в семейную «копилку» попала могущественная Аквитания. От Соммы до Пиренеев — за исключением Бретани — весь Запад теперь признавал его сюзеренитет: три графства и два герцогства. Хуже всего было то, что Алиенора родила пятерых сыновей (четверо выжили: Генрих, Ричард, Жоффруа и Иоанн) и трёх дочерей.

Оглядываясь назад, националистические историки XIX–XX веков оплакивали эту «роковую ошибку». «Этот развод стал катастрофой» с последствиями «небывалой тяжести», — писал Жак Бенвиль. Вероятно, так судить — значит выйти за пределы контекста эпохи. Если подумать, не факт, что тогдашний король, имея столь тесный домен, смог бы «переварить» гигантское южное герцогство, которое, кстати, доставило немало проблем и Генриху II, и его сыну Ричарду, позднее прозванному Львиным Сердцем. Во всяком случае для Людовика VII этот «развод» (так тогда называли канонические аннулирования брака) был делом чести.

В своей жадности к завоеваниям энергичный и талантливый Генрих II — хитрый, дерзкий, «острый как сталь» — не остановился. В 1153 году, в двадцать лет, пользуясь хроническими беспорядками в Англии, он переправился через Ла-Манш с сильной армией, сумел навязать

свою власть и на следующий год, после смерти слабого Стефана Блуаского, получил в Вестминстере престижную корону Вильгельма Завоевателя. Наконец, в 1167 году, заставив бретонского герцога Конана IV отречься, он был признан регентом Арморики (Бретани).

Так возникло то, что французы называли «империей Плантагенетов», а англичане — «анжуйской империей»: конгломерат разнородных территорий — политически, экономически, культурно и языково. Английская идентичность, родившаяся из слияния саксов и нормандцев, всё больше отходила от континентального образца и утверждала свою особость; в то же время аквитанская, гасконская и беарнская аристократия бесконечно ссорилась. Генрих II, живший главным образом в Нормандии и Анжу, сердцем ощущал себя французом. У него при дворе — более блестящем и изысканном, чем у Капетингов, — и речи не было о том, чтобы говорить по-англо-нормандски. Его похоронят в аббатстве Фонтевро, некрополе Плантагенетов; туда же придут Алиенора и их сын Ричард — и их великолепные надгробные фигуры из полихромного туфа сохранились.

Для Капетингов утрата аквитанского наследства и появление соперничающего рода, куда более сильного, подчёркивали их уязвимость. И полезно напомнить: в истории нет неизбежного «марша вперёд», нет заранее заданной перспективы. Франция не развивалась линейно и непрерывно; её судьба могла сложиться иначе. Никакой географический или исторический детерминизм не «предопределял» её формирование. Людовику VII ставили в вину «голубиную простоту»; его называли «очень кротким ягнёнком», неспособным правителем, «робким и неловким политиком» (Ахилл Люшер). На самом деле этот искренний человек, очень привязанный к справедливости, имел несчастье столкнуться с двумя амбициозными и дерзкими хищниками: Генрихом II Плантагенетом (который теперь желал Вексен, Берри, Овернь и графство Тулуза) и Фридрихом I Гогенштауфеном — Фридрихом Барбароссой (1152–1190), «германским Цезарем», который, устремив взгляд на древнюю Лотарингию, сумел подчинить себе архиепископа Лиона, герцога Бургундии и графа Шампани.

Несмотря на слабость своего королевства, «маленький король Иль-де-Франса» вовсе не был малодушен — напротив. В 1162 году, верный гостеприимным традициям предков, он счёл честью принять папу Александра III, изгнанного из Рима Фридрихом (который оспаривал даже его законность); а двумя годами позже — архиепископа Кентерберийского и канцлера Англии Томаса Бекета после разрыва того с Генрихом II. Это показывает, что в нём чувство долга и мужество брали верх над осторожностью. Не обладая силой, он впечатлял моральной стойкостью и вызывал уважение; его особые отношения с папством давали ему уникальный престиж.

Так что под внешней хрупкостью Людовик VII скрывал серьёзную способность к сопротивлению. Благодаря искусству переговоров и арбитража, благодаря бракам, которые он сумел заключить — сначала с Констанцией, дочерью короля Кастилии, а после её смерти с Аделью Шампанской, — он создал прочную сеть зависимых союзников. Он много ездил по провинциям, особенно в Лионне, Форе и Божоле. Чтобы не дать Генриху II закрепиться в

Тулузе, Людовик вошёл в город с небольшим войском вместе со своим вассалом герцогом Раймоном V и вынудил Плантагенета отказаться от осады. Он также защищал монахов Везеле, которым угрожал граф Неверский.

Как и отец — но даже больше, чем он, — Людовик сопровождал движение городских коммун к освобождению: соглашался давать налоговые и экономические привилегии Парижу, Орлеану, Буржу, Компьеню; подавлял «перегибы» там, где чувствовал силу. Он основал несколько «новых городов», взял под защиту евреев, из сострадания освободил множество крепостных в своём домене. Как христианин, он признавал в них человеческое достоинство: «Декрет божественной благодати, — писал он в 1152 году в хартии освобождения крепостной Агнессы, — пожелал, чтобы все люди, имеющие одно происхождение, с самого появления были наделены своего рода естественной свободой. Но Провидение допустило также, чтобы некоторые из них утратили, по собственной вине, первоначальное достоинство и пали в состояние рабства. Нашему королевскому величеству дано вновь возвысить их к свободе...»

В некотором смысле это была — с меньшей торжественностью — «Декларация прав человека» до появления самой Декларации; позднее её повторит ордонанс Людовика X Сварливого.

Первая «Столетняя война»

Международная обстановка менялась в зависимости от соотношения сил. Фридрих Барбаросса столкнулся с восстанием крупных имперских баронов и с бунтом своих итальянских владений. Разбитый при Леньяно Ломбардской лигой, он вынужден был договариваться с папой; переговоры привели к Венецианскому перемирию 1176 года — почти столь же унижительному, как Каносса. Людовик VII воспользовался его трудностями, сблизился с ним и начал беспощадную борьбу против Генриха II Плантагенета, привлекая против всецельной анжуйской монархии графов Фландрии, Шампани и Блуа.

[Выражение «первая Столетняя война» у автора — образное; “классическая” Столетняя война датируется 1337–1453.]

В 1173 году Алиенора, недовольная похождениями мужа (у него было несколько любовниц, и он возвысил фаворитку — юную и прекрасную Розамунду Клиффорд), а также страдая от его всё более тиранического характера, порвала с ним и подстрекала к восстанию трёх старших сыновей — Генриха Молодого, Ричарда и Жоффруа, управлявших Пуату, Аквитанией и Бретанью. Это была месть оттеснённой жены. Людовик VII с радостью ухватился за случай. Его сговор с первой женой и её детьми вскоре стал очевидным: он признал семнадцатилетнего Генриха Молодого как «Генриха III», принял его у себя, посвятил в рыцари его брата Ричарда и на собрании в Париже поклялся на Евангелии поддерживать их против отца. Его тут же поддержали крупные бароны Франции и графы Фландрии, Булони, Шампани, Блуа и Дрё.

Восстание вспыхнуло, предав огню и мечу континентальную часть «империи Плантагенетов» — Бретань, Анжу, Турень, Пуату, Сентонж, Нормандию, — перекинулось на Англию и даже на Шотландию. Так начались события, которые автор называет «первой Столетней войной». Генрих II стойко сопротивлялся, поднял войска и массово нанимал «рутьеров» — опасных наёмников, людей «мешка и верёвки», готовых разорять сёла огнём и железом. Его военные таланты сделали остальное: мятеж обернулся катастрофой для коалиции. Людовика VII выгнали из Вернёя; ему пришлось сжечь осадные материалы в Руане, а затем ночью бежать и просить перемирия. Он никогда не был «громовержцем войны»!

Победив, Плантагенет оказался великодушен: потребовал лишь вернуть нормандские замки. Трое сыновей получили прощение и были восстановлены — под строгим надзором, разумеется — в французских провинциях его державы. Самый блестящий из них, Ричард, успешно подавил попытки мятежа мелких сеньоров Пуату, Лимузена и Гаскони — всех, жаждавших независимости. Лишь Алиенора, арестованная по дороге в Шартр (она была одета мужчиной), оказалась брошена в башню Олд-Сарум в Солсбери, где провела добрых пятнадцать лет и вышла на свободу лишь после смерти мужа.

Охваченный новой жадой завоеваний, Генрих подчинил Уэльс, захватил Ирландию, купил за 15 000 ливров графство Ла-Марш, а затем дерзко потребовал «приданое» маленькой невесты Ричарда — Алисы, сводной сестры будущего Филиппа Августа: Вексен, город Бурж и Овернь. Ещё раз *Regnum Franciae* оказалось на грани исчезновения. Папский арбитраж в пользу Людовика спас королевство от уничтожения.

Двор и администрация

Людовику VII ставили в вину, что он живёт «по-буржуазному» — без пышности и церемониала. Действительно, в его доме и окружении царила большая простота. Разве не говорил он Вальтеру Ваппу, лондонскому канонику, приехавшему в Париж: «У вашего государя есть всё: люди, кони, золото и ткани, бриллианты, дичь, фрукты — всего в избытке. А мы при французском дворе имеем только хлеб, вино и веселье».

Его монархия оставалась патриархальной, с весьма небольшой администрацией, где частные и публичные функции переплетались. Вокруг короля, рядом с Советом, который оформлялся и пополнялся юристами и канонистами, существовали пять «больших служб» или «министерств» (*ministeria*): кухня, виночерпийство, «фруктовая» служба, конюшня и покои; а также шесть высших должностных лиц, чьи обязанности были одновременно домашними и государственными. Сенешаль, в светлой горностаевой одежде и с яблоневым жезлом в руке, отвечал за безопасность королевства и надзор за Королевским домом. Он распоряжался кухнями, но со времён Людовика Толстого уже не исполнял службу *dapifer* (то есть не занимался разделкой мяса), поскольку сочли, что его полномочия слишком разрослись. Коннетабль, напротив, расширил свои права: он был уже не только *comes stabuli* — «граф конюшен», следивший за здоровьем верховых и боевых коней, — но и глава армии, единственный, кому позволялось носить у бедра обнажённый меч без ножен. Виночерпий-

бутельер, сначала управлявший королевским погребом и виноградниками Короны, взял на себя финансовое управление доменом; ему доставалось и то, что оставалось в начатых бочках после праздничных дней. Большой камергер ведал хозяйством королевских покоев, мебелью и одеждой монарха, командовал камердинерами; а поскольку он присматривал за королевской казной-сундуком, то постепенно стал выполнять функции казначея королевства. Большой камерлен спал у подножия королевской постели и носил «тайную печать» для запечатывания «закрытых писем» (позднее их назовут *lettres de cachet*). Большой хлебодар (панетьер) следил и за королевским столом, и за парижскими пекарями. Наконец, канцлер занимался официальными актами и грамотами и руководил нотариусами, писавшими королевские письма, и «греющими воск» служителями, которые ставили печати; он постоянно носил королевскую печать на шее. При этом правлении среднее годовое число актов канцелярии выросло почти на 60%, и появились ордонансы общего действия на всё королевство — нечто неизвестное со времён каролингских капитуляриев.

Параллельно королевская власть утвердилась над крупными баронами Иль-де-Франса — Монморанси, Клермонами, Бомонами, Даммартенами и другими, — которые в итоге стали агентами власти. Это было началом интеграции высшей аристократии в королевскую систему — процесса ключевого для формирования государства.

В последние годы Людовик VII, больной и наполовину парализованный, передал основную часть своих полномочий королеве Адели Шампанской и её четырём братьям. Его долгое правление (1137–1180) было отмечено тяжёлыми внешними неудачами, но также и плодотворными, решающими внутренними изменениями — предвестниками возрождения королевства при славном Филиппе Августе. И именно тогда окончательно утвердился королевский плащ — синий, усеянный золотыми лилиями, — символ капетингской монархии: синий как знак Богородицы, лилия как знак Христа.